

ТРИЛЛЕР ДЕСЯТИЛЕТИЯ

МАЗИН
АЛЕКСАНДР

ЧЕРНЫЙ
СТРЕЛОК 2

Хакер

Александр Мазин
Черный Стрелок 2

«Автор»

Мазин А. В.

Черный Стрелок 2 / А. В. Мазин — «Автор», — (Хакер)

Пуля снайпера, оборвавшая свадебную церемонию, кардинально изменила расклад в славном городе Ширгороде. Алексей Шелехов и его команда – новая сила, с которой теперь придется считаться всем. Или считаться – или уничтожить. А уничтожить Шелехова сейчас, когда у Алексея появились могущественные союзники, далеко не так просто, как раньше. Правда и у Алексея есть два уязвимых места: его молодость, и еще – девушка, которую он любит... Война продолжается!

© Мазин А. В.

© Автор

Содержание

Авторское вступление	5
Глава первая	7
Глава вторая	11
Глава третья	13
Глава четвертая	15
Глава пятая	17
Глава шестая	19
Глава седьмая	23
Глава восьмая	27
Глава девятая	32
Глава десятая	35
Глава одиннадцатая	37
Глава двенадцатая	39
Глава тринадцатая	43
Глава четырнадцатая	46
Глава пятнадцатая	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Александр Мазин

Черный стрелок 2

Авторское вступление

Славен город Ширгород, столица Ширгородской губернии, важнейший транспортный узел на водных путях России, богатый и славный... в прежние времена. В нынешние же... тоже не бедный. По крайней мере, есть, что делить. И переделывать – тоже есть что ширгородским «баронам» и «герцогам». А ведь имеется еще и Первопрестольная, которой сколько ни дай – все мало. И, наконец, живут в Ширгороде те самые простые труженики – фрезерных и токарных станков, комбайнов и топоров, ножей и компьютеров, – те, у кого нет ничего, но, собственно, и есть то самое богатство, которое делят и переделывают сильные мира сего.

Такие вот труженики строили в поселке Курган Никитского района Ширгородской области Курганский металлический завод, могучее оборонное предприятие, в года перестроечные вдруг ставшее ну совершенно никому не нужным.

Настолько ненужным, что новые друзья России, нет, тогда еще не России, а Советского Союза, добрые-добрые друзья из североамериканских Соединенных Штатов даже предложили оплатить демонтаж ну совершенно никому не нужного в грядущие *мирные* времена предприятия. И так все замечательно получалось! Даже часть отпущенных на демонтаж денег уже успела по дороге в Курган бесследно раствориться в российских просторах... Но всплыл вдруг на гребне приватизации некто по имени Игорь Алексеевич Шелехов и мало того, что приватизировал уже на четверть (если верить документам) демонтированный завод, но и заставил его многочисленные станки и станы вертеться и приносить прибыль, позволившую Шелехову в умеренные сроки скупить еще несколько нерентабельных предприятий, наладить весьма перспективные международные связи и обеспечить своих земляков хлебом, маслом, ветчиной и прочими вещами, особо дефицитными в свежестроенной России.

И все бы совсем хорошо, но так случилось, что принял Игорь Алексеевич безвременную кончину: вместе с супругой погиб в автокатастрофе, оставив свою нарождающуюся промышленную империю сыну, по молодости лет управлять ею не способному. И подхватил тогда бразды из рук покойного ближайший сподвижник усопшего Николай Григорьевич Хлебалов, взяв под опеку и малолетнего Алексея Шелехова, и все его имущество. Все, кроме некоего весьма существенного денежного вклада, который, будучи размещен в солидном западном банке, в опеке не нуждался, ведь Шелехов-старший знал, в какой стране жил, и сколько стоит в его стране человеческая жизнь – тоже знал. Немудрено знать об этом владельцу завода, производящего самые современные орудия умерщвления.

Хлебалов оказался управителем крайне удачливым, вотчину шелеховскую расширил изрядно, и как-то так незаметно получилось, что из шелеховской вотчины стала она вотчиной хлебаловской. Но оставался еще тот самый вклад, который, если не считать процентов, отчисляемых по воле завещателя на образование и содержание Шелехова-младшего, оставался недоступен до совершеннолетия наследника. Так что Хлебалову пришлось играть роль заботливого опекуна и терпеливо ждать, когда юноша достигнет соответствующего возраста.

И получилось так, что жил Алеша Шелехов в хлебаловском доме, среди его людей, искренне считая, что именно опекун заботится обо всех его нуждах. И получилось так, что именно ближайшее окружение Хлебалова заменило Алеше утраченную семью. И очень возможно, что, став совершеннолетним, Алеша Шелехов простодушно отдал бы опекуну последнюю уцелевшую часть своего наследства.

Но вышло так, что незадолго до восемнадцатилетия Алеша Шелехов встретил девушку, которая... Впрочем, дело было не в том, что Алена оказалась весьма славной девушкой, а в том, что благодаря ей Алеша узнал нечто, по мнению Хлебалова, совершенно лишнее. И превратился Шелехов-младший из привилегированного подопечного сначала в пленника, а потом – в беглеца. Девушке повезло еще меньше: осталась бедняжка в руках Хлебалова и была продана им одному из ширгородских магнатов, Льву Никитичу Сурьину, за солидную сумму в два миллиона долларов США. Магната, впрочем, девушка мало интересовала. Куда больше его интересовали...

Впрочем, не думаю, что стоит пересказывать Вам, уважаемый читатель, содержание первой книги, если так вышло, что Вы ее еще не читали. Что за удовольствие от игры, если заранее знаешь счет? Поэтому лучше вернемся к самой игре, вернемся на залитую солнцем центральную площадь славного Ширгорода. Взглянем сверху на чопорную толпу привилегированных приглашенных и на пеструю толпу обычных зевак по ту сторону оцепления. Взглянем сверху на мраморные ступени у входа в великолепный, недавно отреставрированный храм. Взглянем на счастливого жениха и куда менее счастливую невесту, посмотрим очень внимательно на это воплощенное торжество власти и богатства, очень пристально посмотрим на них в последний раз внимательно и бесстрастно сквозь отличную швейцарскую оптику. А затем затаим дыхание и плавно-плавно нажмем на спусковой крючок.

...Пуля попала Сурьину в левое плечо, развернула и отбросила его на телохранителя. Тот, проявив отменную выучку, подхватил шефа и, подмяв под себя, повалил на асфальт. Двое других сомкнулись, прикрывая лежащих. Тут же, цепной реакцией, «включилась» охрана всех присутствовавших на площади «персон». Кого-то поспешно заталкивали в машину, кого-то стиснули между могучих, прикрытых брониками тел. Дорожного господина губернатора, подхватив под руки, в считанные секунды внесли внутрь собора. Толпа приглашенных рангом помельче отхлынула от ступеней и уперлась в первую линию оцепления. Толпа же за второй линией, состоявшая из совсем мелких гостей и обычных зевак, непонятно как проникших сквозь кордон, поднаперла, и омоновцам кое-где пришлось пустить в ход дубинки, чтобы удерживать любопытствующий народ.

Телохранители подхватили Сурьина и понесли к машине. Невесту забыли. Она, одинокая тоненькая фигурка в белом воздушном одеянии, так и осталась на ступенях, растерянная, не знающая, что делать...

И в этот момент в темном проеме бокового придела появился тот, кого она ждала.

Глава первая

Вопрос с проникновением в храм решил Монах. С кем и как ему удалось договориться, Алексей не знал. Да он и не вникал в детали. Важно, что к моменту, когда милиция перекрыла все подходы к собору, Алексея под видом певчего церковного хора уже провели внутрь. Теперь он отсиживался в темной, пропахшей пылью и воском каморке и ждал.

Выстрела он не услышал. Но зато услышал шум на площади, крики и топот внутри собора...

Алексей выглянул и увидел, как охрана втащила в собор губернатора, как забегали в панике служители, как машет руками дородный, сверкающий золотом настоятель...

На Шелехова никто не обращал внимания. Никто не попытался его остановить, когда Алексей покинул свое укрытие и двинулся к выходу. В общем, все шло, как задумано, и даже лучше.

Аленка увидела Шелехова и так обрадовалась, что у него в груди стало тепло и легко. Он махнул рукой, и девушка тотчас взбежала по ступеням... На самом верху она вдруг запнулась, быстро перекрестилась...

Алеша обнял ее, прижал к себе, в который раз изумившись, какая она хрупкая, коснулся мягких губ и тут же отодвинул девушку от себя.

– Пойдем, милая, – проговорил он мягко. – У нас совсем мало времени.

Пока на них не обращали внимания, но хаос на площади постепенно сменялся деловой суетой. *Персоны* отбывали одна за другой, чины из правоохранительных понемногу брали ситуацию под контроль. Кто-то распоряжался по радиации насчет перехвата, кому-то уже предъявляли брошенную снайпером винтовку. Без снайпера, разумеется...

– Быстрее! – Шелехов сунул Аленке пакет. – Снимай все и надень вот это.

В пакете лежали длинное черное платье и такой же черный платок.

– Отвернись!

Святой Пантелеймон с маленькой, подсвеченной единственной лампадкой иконы взирает на него с доброжелательным сочувствием.

– Прости нас, – шепнул Шелехов и перекрестился.

Он чувствовал неуместность их действий в Господнем храме. Но что делать...

– Я готова!

Вместо великолепной невесты в белом кружевном уборе перед Алексеем стояла скромная послушница... в изящных белых туфельках. Блин, обувь-то они и забыли!

Да что уж теперь.

Шелехов сунул подвенечное платье и прочие свадебные атрибуты в освободившийся пакет, попросил мысленно: «Помоги, Господи!» и увлек свою (теперь уже свою!) невесту к боковому выходу.

Спустя минуту они без помех покинули храм и вышли на боковую улочку. Оцепление еще не сняли, но омоновцы их пропустили беспрепятственно, едва скользнув взглядами. Шелехов и его юная спутница в их смиренном облачении мало походили на террористов.

Улочка между тем свернула к реке. По обе ее стороны потянулись заборы, бетонные, каменные, сплошные и решетчатые, голые и затененные деревьями или кустами отцветшей уже сирени...

Алексей и Аленка, словно по команде, одновременно остановились, поглядели друг на друга и...

– ...Ах, какие мы нежные! – холодно произнес знакомый голос.

Шелехов мгновенно вскинул голову. Он еще ощущал губами влажную мягкость Аленкиных губ, но тело уже подобралось, готовое к мгновенным действиям...

Поздно! Проклятье! Как они глупо попались!

Прямо перед ним стоял сам никитский князек, господин Хлебалов собственной персоной, причем не один, а с дюжиной охранников, ни одного из которых Алексей не знал. Но мог не сомневаться: ему с ними не управиться.

А Хлебалов не спешил. Он был очень доволен. Очень...

Двое охранников неторопливо переместились, перекрывая верхний конец улочки. Справа – сетчатый забор в человеческий рост, с колючкой поверху. Слева – такой же забор, но из белого пористого камня, увенчанный гребнем из стальных штырей. Погони не будет.

Живой компьютер в голове Шелехова работал с бешеной скоростью, анализируя ситуацию, ища выход. Инстинктивно Алексей сильнее прижал Аленку – и тут же отпустил. Сейчас он точно не мог ее защитить.

– Верно, – усмехнулся Хлебалов. – Помиловались, и будет. Взять его!

Black Archer, Черный Стрелок. Так звали Шелехова в хакерской тусовке. В этой компании многие были круче его, но никто не умел так быстро принимать и реализовывать решения, как Шелехов.

«Компьютер» в голове Черного Стрелка пискнул, завершая работу. Алексей метнулся к каменному забору, прежде, чем его успели перехватить, подпрыгнул, ухватился за торчащие наверху «пики», рывком вскинул тело и перебросил – над остриями – на другую сторону.

– Леша, беги! – ударил в спину звонкий голос. – Я...

– Живьем! Живьем брать! – взвыл Хлебалов.

Шелехов бросился через ухоженную полянку к двухэтажному красно-кирпичному дому...

А наперерез ему молча устремилась огромная рыжая восточно-европейская овчарка.

«Сожрет!» – только и успел подумать Алеша, но навыки игр с псами покойного Яблокова еще жили в его теле, потому в последний момент он успел отпрыгнуть в сторону. Живой таран пролетел мимо, но не остановился, а понесся дальше, потому что в этот момент через забор перевалился еще один «нарушитель границы». Вот ему повезло меньше, потому что собачьи клыки еще в воздухе вонзились ему в горло.

Вышколенный пес тут же отпустил «нарушителя», развернулся...

Если бы Алексей побежал, возможно, пес тут же, по рефлексу, бросился бы за ним, но Шелехов замер... А второй хлебаловец тем временем плюхнулся сверху на стриженный газончик. Овчарка рванулась к нему, целя в пах. Промახнулась. Боец успел извернуться, подставив бедро, а когда собачьи клыки впились в тело, хладнокровно ухватил пса за ошейник, выдернул из-за пояса пистолет, выстрелил овчарке в ухо (негромкий хлопок – пистолет был с глушителем) – и тут же навел оружие на Шелехова:

– Стоять!

– Видишь, стою, – ответил Алексей. – А ты – уже нет!

Прокушенная нога хлебаловца как раз в этот момент отказалась ему служить и подогнулась.

Шелехов бросился было перехватить пистолет. Но не успел. Через ограду перевалился еще один охранник.

Алексей метнулся за дом, промчался прямо по грядкам, перемахнул через убогий плетень, демократично соседствующий рядом с солидным особняком, угодил на цветочную клумбу...

И оказался в железных объятиях какого-то здоровяка.

– Оп-паньки! – радостно завопил здоровяк. – Гля, капитан, кого я поймал!

Алексей рванулся, но освободиться из борцовского захвата старпома Феди ему не удалось. Сила у Федора была медвежья.

– Кого? – раздался рык Колбасникова.

– Отпусти, дурак! – прохрипел Шелехов. – Пристрелят...

– Это кто ж меня пристрелит? – осведомился Федор.

– Сейчас увидишь! – мрачно ответил Алексей, перестав вырываться.

И точно. На злополучную клумбу ловко спрыгнул хлебаловский боец с пистолетом наголо.

Спрыгнул – и застыл.

– Что ж вы, падлы, цветы сеструхи моей ломаете? – пророкотал капитанский бас.

Шелехов извернулся и сумел через плечо старпома углядеть могучую фигуру Колбасникова... с ружьем наизготовку.

– Картечь, – сообщил хлебаловскому бойцу капитан. – Бросай пукалку.

– Этого отдай – и я уйду. – Свободной рукой боец показал на Шелехова.

И тут на клумбу приземлился еще один хлебаловец, стоптавший последний пионовый куст.

– Ну, вы меня и достали! – прорычал Колбасников. – Считаю до одного...

– Брось дуру, мужик! – третий хлебаловец подобрался незаметно с другой стороны и теперь держал капитана на мушке.

– Эй, кэп, шо тут за беспредел? – На балкончике дома, который охраняла несчастная овчарка, появился мужичок в белых трусах, с обильными синими росписями на туловище и толстой желтой цепкой, отягощенной пятидесятиграммовым крестом.

– Засунься, – бросил ему боец, целивший в капитана. – Не твое дело!

– Ща мои подъедут – и тебе, бычара, объяснят, где чье дело! – сердито пообещал толстяк. – Фрол, держи их на мухе!

Фрол, такой же расписной, как и толстяк, и так же легко одетый (жара!), вышел на крылечко со здоровенной помповухой наперевес.

– Федька, этого – ко мне в хату! – распорядился толстяк. – А ты, бычара (хлебаловскому), порожняк не гони, а давай за папой своим бегом!

Хлебаловский боец покосился на напарника, тот пожал плечами, повел взглядом в сторону дружков: один, ясно, покойник, другой рану на ноге зажал, зубами скрипит. Тут на крылечко вышел еще один полуголый, гранаткой поигрывая...

– Веня, бери свободную бригаду и быстро сюда! – кричал в телефон Хлебалов.

– Николай Григорыч, не могу! – раздалось в ответ. – Тут наших ребят ширгородские повязали. Надо вытаскивать.

– Пусть Мушкин займется! Ты мне здесь нужен! Бери всех, кто под рукой, и живо ко мне! Да адрес пусть Мушкин пробьет... – Хлебалов продиктовал адрес. – Через двадцать минут чтоб был!

– Где? – спросил Веня.

– Я ж тебе сказал адрес! – взъярился Хлебалов. – С пацанами и оружием!

– Николай Григорыч, трудно с оружием! – взмолился Застенов. – Менты всех трясут из-за Сурына! «Перехват» объявили!

– Какой на хрен перехват! Возьми мушкинских, в форме. Их досматривать не имеют права! Шевелись, твою мать!

– Совсем осатанел, – пожаловался Застенов адвокату, с которым пришел в ГУВД.

Адвокат сочувственно улыбнулся:

– Сейчас Мушкину позвоню, он подъедет.

– Да я сам управлюсь, Вениамин, не беспокойтесь.

Пачка долларов, которую он полчаса назад положил во внутренний карман, довольно толстенькая. Если адвокату удастся договориться, чтобы хлебаловских отпустили за меньшую сумму, в отсутствие Вени разницу можно скрысить.

Застенов нашел Мушкина за работой.

– Курков! – кричал он в трубку. – Курков моя фамилия! Нет, вперед только половина!

Вторая – после дела! Да, только так! Всё!

– Фамилию сменил, полковник? – поинтересовался Застенов.

– Угу. Хозяин сказал: пусть все хвосты по москвичу на Сурьина идут.

– И когда?

– Через пару дней подъедут и сделают.

– Если сделают! – фыркнул Веня. – Что у нас, своих специалистов нет?

– Хозяин сказал: выписать тех, что работали Булкина. Эти дело знают.

– Великое дело – из автомата полоснуть, – пренебрежительно произнес Застенов. – Опять шум поднимется, органы забегают. Такие вещи надо под несчастный случай оформлять. Вот это профессиональная работа. А внаглую завалить и смыться – это тебе любой курганский отморозок за пятьсот баксов оформит.

– Курганский отморозок – это как визитная карточка Хлебалова! – возразил Мушкин. – А тут – гастролеры. Даже если возьмут их, на нас все равно никаких выходов не найдут.

– Кроме самого главного – мотива! – возразил Веня. – Москвич конкретно нас глушить приехал. Сурьин ему по барабану.

– Хозяин сказал, как делать, я делаю, – уклонился от диспута начальник рыбинспекции. – Ему виднее. Мы ведь с тобой, Веня, каждый из своего кутка смотрим, тут надо стратегически.

– Ну да, – с обидой произнес Веня. – Он теперь *стратегически* сам все и решает, ни с кем не советуясь. Того валить, этого валить... На хрен вообще москвича стирать? Комиссию в Кургане стреножили – сидят в гостинице, носа не кажут. В Праздничном вообще линию Маннергейма лепят: два ракетных комплекса с завода привезли, слышал?

– Не-а! – Начальник «рыбников» мотнул головой. – На хрена целых два?

Застенов пожал плечами.

– Может, авианосец по Юри поднимется – Праздничное утешить. Других предположений нет.

Мушкин засмеялся.

– Ты зачем пришел? – спросил он.

– Хозяин срочно требует. С пацанами и при оружии. У него там, типа, «стрелка». Дай своих человек пять, в форме, с машинами вашими, чтоб с ментами не париться.

– Машин свободных у меня нет, а людей возьми. И номера синие возьми в каптерке, привинтите на свои тачки. С кем «стрела»?

– Понятия не имею. Вот, пробей адрес.

Мушкин полез в компьютерную базу...

– Апаньки! Это же Чудакова хатка! Во Григорыч дает!

– Это который, Чудаков? Воровайка?

– Ну да! Грязного лепший кореш!

Застенов вздохнул. Впрочем, могло быть и хуже. С ворами договориться легче, чем с ОМОНОм. И накомылять им проще.

«Эх! – подумал Застенов. – Будут борзеть – хоть душу отведу!»

Мечты, мечты...

Глава вторая

Свою рабочую винтовку Сивый разобрал и унес – ни к чему добро разбазаривать.

На месте оставил другую, с чужими отпечатками пальцев. Это у Сивого была коронка: подкинуть левое оружие. Всех заинтересованных лиц мгновенно оповещают: оружие, из которого произведен выстрел, найдено. Позднее, конечно, у баллистиков возникнут некоторые проблемы... Но это их проблемы. Традиционно мыслящий следок скажет: винтовка СВД, так? Пуля 7.62, снайперская, со стальным сердечником, от специального патрона для СВД, так? Ну и нечего тут голову морочить! На хрена киллеру скидывать *другую* винтовку? А вот ежели вдруг Сивого прихватят, то ситуация резко меняется. Для суда баллистическая экспертиза – это серьезно. И пальчики чужие на оружии. И настоящую винтовку, если припрет, сбросить намного проще, когда ее никто не ищет. А зачем искать, если *уже нашли*?

Но в данном случае Сивый оружие скидывать не стал, нес открыто, в стандартном чехле. У Сивого была липовая ксива собровца, но в начавшейся неразберихе документ никто под микроскопом не изучал. Никому в голову не могло придти, что киллер с оружием нагло попрется через оцепление. Тем более, что всех уже оповестили: оружие, из которого произведен выстрел, нашли. Так что винтовка – это что-то вроде пропуска. Где-нибудь в столицах: Москве, Питере, Сивый, может, и не рискнул бы так нагличать. Там иногда попадаетея народ ушлый, способный допустить, что киллеров могло быть *два*. Обычная ситуация. Череп, кстати, рассказывал: заказали ему одного банкира московского, причем срочно. А у банкира из дома два выхода, так что пришлось Черепу напарника брать – второй ход сторожить. Втемную, конечно. Тот Череп в глаза не видел, как, впрочем, и Череп – его. А банкир, умник, тоже клювом не щелкал: знал, что его завалить хотят, и ментов подключил, чтобы те его тоже пасли, помимо охраны. Связь Череп с партнером держали по мобилам, и менты, что у одного из выходов обосновались, напарника засекли, поскольку вел тот себя неправильно: на улице болтался без дела, телефон в руке держал.

Сивый, кстати, подозревал, что Череп специально такого бестолкового взял и с внешнестью приметной, красавчика. На «мясо». Как матерые урки с собой в побег, в тайгу, новичка берут – в качестве «консервов».

В общем, взяли менты красавца, и все, так сказать, при нем. Пушка недешевая, «Гюрза». Восемнадцать патронов в обойме, броник третьего класса с вкладышами (была информация, что клиент в бронежилете передвигается) прошивает гарантированно. Отличная вещь. Менты как пушку увидели – обрадовались: крутого киллера повязали! Красавца – мордой в асфальт, а своим, по связи – отбой тревоги.

Отбой так отбой, но охрана клиента на всякий случай через другой ход повела. А там его Череп дождался. С такой же волевой. Положил всех, включая клиента, ствол сбросил и ушел. В общем, конкретно подставил напарника.

Того на Лубянку и прессовать. Все улики налицо. Больше того, через день красавцу, то есть бывшему красавцу, потому что личико ему уже конкретно поправили, на счет денежки приходят. Заказ выполнен, клиент честно рассчитался. А красавчик – в полном отказе. Тем более, что рассказывать ему нечего, не знает ни хрена. Гнет свою линию: мол, пистолет нашел под кустом, намеревался отдать хозяину, лицу кавказской внешности по имени Ахмед, с которым по телефону и разговаривал. Про деньги, которые на счет перевели, никакого понятия. Может, родственник, а может, должник какой. Передали красавчика обычным ментам, тот адвоката зарядил, адвокат – прокурорского. Операм поступило указание: искать «Ахмеда». В общем, пропарился красавчик в следственном изоляторе полтора года (тоже не сахар, конечно), получил на суде эти же полтора года (за ствол) и прямо из зала был освобожден. «Заказуху» на него повесить так и не смогли. Правда, и деньги он все на адвоката спустил. Так

что в плюсе только Череп с заказчиком остались. У Черепа таких бак не было, но рассказывал он их одному лишь Сивому, даже с Бессоновым, который Черепа из большой жопы вытащил и в команду взял, тайнами своей жизни не делился. А к Сивому вот симпатией проникся. Тоже понятно: даже такому, как Череп, иногда человеческое общение требуется. Но общение общением, а Сивой ничуть не сомневался, что если Череп решит, что Сивого можно выгодно продать, то Сивой из друга-приятеля тут же превратится в «товар». Сивой это знал. И, надо полагать, Бессонов тоже. Но Черепа в команду взял, потому что дело свое Череп знает туго. Мастер. Только все равно Сивой круче.

Миновав две линии оцепления, Сивой достал большой пластиковый пакет, спрятал в него винтовку, позвонил Бессонову и произнес только одно слово: «Забирайте».

Через пять минут он уже сидел в знакомый джип. За рулем сидел Череп. От него-то Сивой и узнал: несмотря на то, что он свою часть операции выполнил безукоризненно, в целом она провалилась. Шелехов и Булкина исчезли. Монах, который должен был их «принять», никого не дождался. Правда, он слышал стрельбу...

Сивой полагал: если бы операцию планировали не Бессонов с Шелеховым, а лежащий ныне в беспамятстве Уж, провала бы не было. Но вслух Сивой ничего не сказал. А вот Череп высказался:

– Если Лешку грохнут, что будешь делать?

Сивой пожал плечами.

– Не знаешь, много денег он Бессону отдал? – спросил Череп, останавливая джип на желтый сигнал светофора. Череп водил очень хорошо, почти так же хорошо, как Салават, но без необходимости никогда не нарушал правил.

– Не знаю. А тебе – что? – после паузы произнес Сивой.

– Да так, спросил... – Джип плавно тронулся с места.

Остальную часть пути оба молчали.

Глава третья

– Ты на кого наехал, никитский! – Авторитетный вор Шура Чудик, он же – вполне солидный предприниматель Александр Иванович Чудаков, уже не в трусах, а в мешковатых трениках и обтягивающей брюхо майке, двигал пальцами перед носом разъяренного Застенова. – Ты здесь никто, понял! Никто! Сопля на заборе! Уши на жопе! Вали к себе в Никитск, понял!

– Пасть закрой! – с трудом сдерживаясь, прорычал Веня. – Даю тебе пять минут. Через пять минут мой пацан должен стоять здесь. Или у тебя, синий, точно будут уши из жопы торчать! Тебе все ясно?

– Я! ТЫ! МЕНЯ!!! (Брызги Чудиковой слюны долетели до Застенова, и он брезгливо сморщился). Ты мне по жизни должен, никитский! Братва, вы слышали?! Да я тебя замочу!

– Давай, рискни здоровьем! – оскалился Застенов.

Мысль о том, что этот расписной бурдюк рискнет на него наброситься, показалась Вене забавной. Его люди тоже заушмылялись. Четверо матерых курганских «маршрутников» не испугались бы банды «чехов», а тут какая-то дюжина ширгородских уродов.

«Братва» Шуры Чудика, простые городские «быки» с мясистыми загривками, хоть и делали страшные рожи и сжимали пудовые кулаки, но нутром почуяли, с кем имеют дело, и вовсе не рвались мстить за обиду хозяина. И сам Чудик уже понял, что погорячился. Но кураж не позволял ему пойти на попятный. За базар, как водится, надо отвечать...

Хлебалов, оставшийся снаружи с личными охранниками и двумя «рыбинспекторами» для официального прикрытия, с удовлетворением наблюдал за развитием событий. Сейчас бластной получит тренделей, а Хлебалов наконец получит мальчишку.

Спас Шуру Чудика звонок хлебаловской мобилы.

– Коля? Узнал?

– Кто это?

Сипловатый басок был Хлебалову незнаком. Да и Колей его уже давно никто не называл.

– Грязный. Что ж ты творишь, дорогой? Мы к тебе со всем нашим, а ты уважаемого человека обижаешь, корешка моего верного Шуру Чудика. Нехорошо, Коля. Не ожидал от тебя.

– Он моего человека захватил, – скрипнул зубами Хлебалов. – Должен вернуть!

– Это ты так говоришь, – просипела трубка. – А Шура другое толкует. Ты, Коля, человек авторитетный, базара нет, но и Чудик – не последней масти. Кто прав – не знаю. Надо разобраться. Приезжай ко мне, перетрем по понятиям. А беспредельничать не нужно. Не нужно беспредельничать, Коля!

В сиплом голосе ширгородского вора чувствовалась неприкрытая угроза.

В другое время Хлебалов не испугался бы схватиться с Грязным. Но сейчас ссориться с ворами совсем некстати. У него и так слишком много врагов. Можно, конечно, посшибать Шуриных бычков, ворваться в дом... Но не факт, что Лешка еще там. Пока они тут препираются, его вполне могли перевезти в другое место...

– На твоём Чудике кровь моих людей! – процедил Хлебалов. – Ты в курсе?

– Это которого собачка закусала? – Грязный хихикнул. – Понимаю, понимаю... Сам собачек не очень жалую. Так ты бы собачке предъяву и делал. Да и тут непонятки. Собачка та, она ведь в своём праве была, дом охраняла. Кабы твои по-людски вошли, через калитку, были бы целы. Скажешь, нет? Да и не Шурика это собачка, если ты не знаешь. А была бы Шурика – так и тут ты должен оказался бы. Собачка – она ведь денег стоит. И ущерб моральный. Может, ее детки хозяйские любили... Нет, Коля, кругом ты не прав выходишь...

Хлебалов поглядел на помпезный чудиковский особнячок, потом перевел взгляд на отдельный простецким плетнем куда более скромный домик сестры капитана Колбасникова. Где-то здесь мог прятаться Алешка... Если бы знать наверняка...

– Веня! – окликнул Застенова никитский князек. – Сворачивай тему. Уходим.

– Грязный мне звонил, – сказал Хлебалов Вене чуть погодя. – Стрелу забить предлагал.

– Забивай! Я поеду! – хищно произнес Веня. – Пообщаемся! Пора в Ширгороде смотрящего менять! Пусть у себя на зонах бычат!

– Не боишься, Веня, с ворами ссориться? – усмехнулся Хлебалов. – А если сам на зону попадешь, всякое ведь бывает.

– Не попаду, Николай Григорыч, – сказал Застенов. – И вы не попадете. Нас, если что, сразу грохнут.

– Тоже верно, – согласился Хлебалов. – Но встречаться с Грязным мы не будем, ни к чему. – А вот Чудика навестить еще разок было бы неплохо. Только ты сам не светись, у тебя сегодня с ним конфликт был. Сделай себе алиби, а туда пошли кого-нибудь небрезгливого и старательного. И не отморозка: чтобы Шелехова мне живым доставил. Есть у тебя такой?

– Найдется, – кивнул Застенов. – Рябого пошлю.

Сам Застенов предпочел бы послать Мишу, который знал Лешку лично. Но Миши в городе не было. Мишу Вене пришлось отправить в Праздничное, комендантом. Другой кандидатуры не было: нужен был человек грамотный и авторитетный, причем не только для никитских, но и для курганской братвы. Миша подходил идеально, и Застенову пришлось пожертвовать своим личным телохранителем ради общего дела. Ничего, Рябой справится. Секретаршу Медведева он вполне качественно умыкнул. Руслан до сих пор лоб морщит: чья это работа?

– Рябого пошлю, – сказал Веня. – Он старательный. И не отморозок. Сделает.

Глава четвертая

– Ах, как я рад, сопляк, что ты мне попался! – сладострастно говорил Колбасников, с ловкостью настоящего моряка привязывая Шелехова к стулу. – Ах, как я сейчас тебя буду бить!

Он отвесил Алеше звучную затрещину.

– Ты мне за все заплатишь, сопляк! За дружков своих! За красавца моего, за «Веселого» моего, за радость мою единственную... – Бывший капитан всхлипнул и вlepил Шелехову еще одну затрещину.

Рука у капитана была тяжелая...

– Ты дурак! – сдерживая гнев и досаду (уйти от Хлебалова, чтобы попасться этому осто-лопу!), произнес Алексей. – Это не я сжег твой корабль. (Бац! Голова Шелехова дернулась, как у куклы-марионетки.) Ты втройне дурак, потому что тебе сейчас сказочно повезло, а ты ведешь себя как обиженный ребенок! Да у тебя такого шанса в жизни больше не будет! Чего стоит твое жалкое корыто (Бац!)... в сравнении с *настоящими* деньгами!

– А ну погодь, Васька! – остановил замахнувшегося капитана Шура Чудик. – Что ты там про деньги базаришь, проясни!

– А то говорю, что двадцать-тридцать штук, а больше его корыто не стоило («Ах, корыто!» – взъярился капитан, но Чудик ухватил его за руку) – это и не деньги даже. Если все пройдет как надо, он сможет купить себе три таких. Или десять. Вы знаете, кто я?

Чудик, Колбасников и Федя поглядели друг на друга... Ну да, они почти ничего не знали о том, кого привязали к стулу.

– Я Алексей Шелехов, – сказал молодой человек. – Сын *того самого* Шелехова. Слыхали, наверное?

– Да что-то вроде... – неуверенно проговорил Чудик. – А-а-а! – он вспомнил и обрадовался. – Игорь Шелехов! Борец такой, да? Я его по телеку видел! Давно, еще до первой ходки! А потом что-то больше не слышал. Так ты его сын, что ли? А он – чего?

– Убили его, – сказал Алексей.

– Ну это, типа, бывает, – посочувствовал Чудик. – Токо я не понял, при чем тут бабки?

– Притом, что мой отец был не только борцом, но еще и хозяином Курганского металличе-ского и еще нескольких заводов.

– Курганского? – Чудик наморщил покатый лоб. – Это хлебаловского, что ли?

– Моего! – сказал Шелехов. – Я его хозяин, а Хлебалов – только управляющий.

– Врет! – подал голос Федя. – Ни хрена у него нет. Сейчас, когда мы его повязали, ясно, он хочет нас одурачить!

– Дурачить вас? – Алексей усмехнулся. – Ну, если вы дураки, то одурачить вас просто. Но я не думаю, что вы дураки. Потому вспомни, Федя, кто был со мной, когда мы наняли ваше судно? Скажи, капитан, разве эти люди, серьезные люди, стали бы работать на человека, у которого ничего нет!

– Да врет он! – воскликнул бывший старпом.

– Цыть! – рявкнул Чудик. – Чё-то твой пацан базарит много, Вася!

– Ты, Федор, помалкивай, когда старшие говорят! – строго сказал Колбасников. – А про людей своих малый правду сказал. Оч-чень конкретные мужики, я подтверждаю.

– Мужики в поле пашут... – проворчал Чудик.

– И оружия натащили мне полный трюм, – продолжал Колбасников. – Кабы я знал...

– Да дурит он нас! – в сердцах закричал Федор.

– Рот закрой! – в один голос гаркнули на него Чудик и капитан.

– Хотел бы я поглядеть на того, кто меня одурачит! – самодовольно заявил Чудик. – Вот это был бы всем хитрожопым хитрожопец! Нет, братан, когда я вижу реальных пацанов со

стволами, я сразу говорю: тут пахнет реальными бабками! А я токо седни видел стоко стволов, что конкретно говорю: тут пахнет не просто бабками, а *большими* бабками! И наехал на нас Хлебалов лично. Этот его здоровый... Ух, я бы его, козлину, уделал, если бы он не свалил!

Чудик подошел к Алексею, наклонился:

– Давай, говори, парень! Мы тебя слушаем очень внимательно.

Алеша поглядел на Чудика, потом на обшитые деревом стены.

«На баню похоже», – подумал он.

– Для начала я бы хотел, чтоб меня развязали, – сказал Шелехов. – Горло промочить и перекусить. С утра ничего не ел. Иначе разговора не будет.

– Я бы и сам горло промочил, – сказал Колбасников.

– Я же говорю, дурит! – воскликнул Федор. – Если мы опять нажремся...

– Еще одно слово – и ты уволен! – пообещал бывший капитан своему бывшему старпому. – Развязать его, Шура?

– Развяжи! – кивнул Чудик. – Куда он отсюда денется! Федька, скажи моим пацанам, чтобы притащили выпить и похавать.

– Может, это, лучше в дом пойти? – предложил Колбасников.

– Не-ет! – Толстая физиономия Чудика сморщилась в хитрой усмешке. – Тут спокойней, проверенное место.

– Бойцов подберешь сам, – инструктировал Застенов. – Каждому покажешь фотографию Шелехова и от меня добавишь: кто его по ошибке завалит, того я сам завалю.

– А с остальными как? – спросил Рябой.

– По обстановке. Полная зачистка не обязательна, вы же в масках пойдете. И гляди, бабами там не увлекайся! – строго произнес Застенов.

– Да я ж не для себя, Стена, я для дела... – пробормотал Рябой, отводя глаза.

Донесла, значит, какая-то сука, что Рябой всем видам форсированного допроса предпочитает сексуальное насилие.

– Знаем мы эти дела! – сурово произнес Застенов. – Смотри, Рябчиков, это твой экзамен! Приведешь Шелехова – посажу тебя замом Мушкина, на место Хожняка. Просрешь задачу – пеняй на себя! Я тебя поднял, я тебя и опущу! Ясно?

– Так точно! – молодецкато подтянулся старший инспектор Рябчиков. – Разрешите исполнять?

– Исполни, бригадир, – кивнул Застенов. – И пошевеливайся.

Застенову тоже следовало пошевеливаться: через час начинался светский банкет, устраиваемый национал-коммунистической партией господина Медведева. Застенов третий год числился секретарем ее никитского представительства. Сейчас отношения Хлебалова и Медведева охладели, но Застенов все еще оставался районным секретарем и соответственно получил приглашение. И решил его принять: безупречное алиби получится.

Глава пятая

Стол накрыт, Шелехов развязан и пересажен со стула на скамью.

Пора было переходить к решительным действиям, но Алексей был не уверен, что справится с тремя мужчинами, двое из которых физически намного сильнее его. И еще боевики Чудика за дверью. И к тому же подсознательно Алеша все время ожидал появления кого-то из Бессоновской команды. Раз-два – дверь падает, а в проеме появляется Ленечка, или Салават – с «кипарисом» наизготовку.

Размышляя, Алеша сжевал пару бутербродов, запил минералкой. Остальные в это время опрокинули по стопочке.

– Ну, давай, колись! – потребовал Чудик. – Счетчик тикает!

И Шелехов вынужден был начать свое повествование. Поначалу он говорил только правду... или почти правду. Но по вытянувшимся лицам собеседников понял, что какие-то там заводы, да еще в далекой перспективе, их мало интересуют. Будь на их месте фигуры покрупнее, вроде того же Сурьина, может быть, они реагировали бы иначе. А эти господа, предложи им выбирать между предприятием с основным фондами стоимостью в десятки миллионов и мешком с сотней тысяч, наверняка выбрали бы мешок. Поэтому Шелехов мягко свернул тему своего наследства и принялся излагать совсем другую историю. О том, что господин Хлебалов держал в своем сейфе на острове аж целый миллион долларов. И именно этот миллион был главной целью Алексея и его товарищей.

Шелехов в красках живописал штурм острова, то, как «ломали» сейф, извлекали из него миллион и зарывали в землю в особом месте, известном только Алексею и одному из его бойцов. Но бойца этого позавчера тяжело ранили, неизвестно, выживет или нет, так что теперь только Шелехов владеет тайной клада.

Алексей был неплохим рассказчиком, вдобавок прочитал немало детективных историй и посмотрел соответствующих фильмов. Так что к концу повествования глаза его слушателей были широко открыты, а рты закрывались только для того, чтобы не вытекло наружу содержимое влитой туда очередной стопки.

– ...Мы набили пачками две сумки, примерно такие. – Алексей показал руками. – В одну все не влезло. Считать не стали, некогда было, но там точно сотни две пачек, а то и три...

– А банкноты какие? – Глаза Чудика алчно блеснули.

– По сотне долларов.

– Ага... – Чудик зашевелил губами. – Сто хрустов в пачке. Так это... Это ж больше лимона, в натуре больше! Слышь, парень, а ты точно место запомнил?

– Увижу – узнаю, – заверил Шелехов. – А как туда плыть, могу на карте показать. Есть карта?

– Была, – буркнул Колбасников и враз помрачнел.

– Спокуха, Вася! – хлопнул его по спине Чудик. – Найдем карту. А катер у меня у самого есть.

Женя Бессонов сунул в карман мобильник.

– Девчонка у Хлебалова, – сказал он. – Череп видел, как ее загрузили в вертушку рыбнспекции. А сам Хлебалов шхерится неизвестно где.

– Еще бы ему не шхериться, – усмехнулся Ленечка. – Наш князек ухитрился пересраться с обоими местными олигархами, с властями...

– И с Грязным тоже, – перебил Бессонов.

– Наш пострел везде поспел! – захихикал Монах.

– Если Алена у Хлебалова, то Лешка, видимо, тоже у него, – не разделил веселья Монаха Ленечка.

– А вот и нет! – Ухмылка встопорщила желтые усы Бессонова совсем по-кошачьи. – В настоящий момент, насколько мне известно, Лешка находится у некоего Шуры Чудика.

– Это еще что за хрен с бугра? – удивился Монах.

– Один из корефанов Грязного. Хлебало и тут упорол косяк: то ли пришил кого-то, то ли, наоборот, у него кого-то пришили. Короче, Леху взяли вроде как за долги или типа того. Но нам без разницы. Где этот Чудик квартирует, я выяснил.

– Работаем? – спросил Ленечка.

– Угу. Впятером: ты, я, Монах, Сивый и Салават. Черепа я при Ужике оставляю.

– Как он? – спросил Ленечка.

– Пока неопределенно. Сходи, погляди, если хочешь.

Сегодня утром вся бессоновская команда передислоцировалась на территорию больницы, в один из уютных домиков для оздоравливающихся VIP-персон. «Аренда» стоила недорого: сто баксов в день, но «братья-разбойники» могли себе позволить и большее: денег у них теперь хватало.

– А эта маленькая, сурынская племянница – там? – поинтересовался Монах.

– Нет, у дядюшки. Он ведь тоже раненый, – усмехнулся Бессонов. – Сивый – мастер. Точно в кость попал. Для жизни неопасно, но месяца на три Сурын из строя вышел. Так что поддержки от него Хлебалову не будет.

– Он бы его и так поддерживать не стал, – заметил Ленечка. – Не дурак ведь: знает, что Хлебалка кинет или подставит при первой возможности.

– Нары по нему скучают, – подал реплику Монах.

– Таких, как он, у нас не сажают, – сказал Бессонов. – Таких отстреливают. Только он теперь, небось, так обставится, что достать его будет еще сложнее, чем раньше.

– Это точно, – согласился Ленечка. – Тут не меньше, чем войсковая операция потребуется. У него одних курганских – за три сотни стволов. И все – отмороженные.

– Я думаю, если у нас будет Лешка, курганских можно отсечь, – сказал Бессонов. – Гарьку Шелехова в Кургане помнят. Лешка... и Клим. Реально?

– А почему нет, – произнес Ленечка. – Курганских отсечь, «рыбников» сверху притормозят: они как-никак – государственная служба, кто останется? Никитская братва... Кто еще?

– Деньги, – сказал Бессонов. – И связи. И Веньку Застенова с Юматовым тоже со счета сбрасывать нельзя.

– Зато их завалить можно, – заметил Монах.

– Можно, – согласился Бессонов. – И нужно.

Глава шестая

Выстрелов слышно не было. Только коротко и злобно лязгнули затворы. Броники обосновавшихся на веранде охранников почти беззвучно вылетевшие из стволов пули не пробиты: их начальная скорость была значительно ниже обычной – для обеспечения бесшумности стрельбы. Но этот факт был прекрасно известен стрелкам, поэтому они целили в головы.

– Лохи, – с презрением произнес один из стрелков.

Второй кивнул, соглашаясь. Точно, лохи. До того как отправиться в мир иной, эти, с позволения сказать, охранники вальяжно сидели на освещенной веранде и играли в карты. Наверное, думали, что прислоненные к оградке помповые ружья являются достаточной гарантией безопасности. Или полагались на двух своих коллег, секунд двадцать назад так же беспечно покуривавших у калитки. Теперь их тела остывали в канаве под забором.

Двое с автоматами, приспособленными для бесшумной и беспламенной стрельбы, приблизились к веранде. Перемещались они исключительно по теневым зонам.

– Неплохо задумано, – негромко произнес один из них, показав стволом на установленные над скамейками инфракрасные излучатели, позволявшие пользователям чудиковской баньки дышать свежим воздухом практически в любую погоду.

– Лучше бы они сюда видеокамеры воткнули, – ответил второй стрелок, практически не понижая голоса. До дома было довольно далеко, а те, кто находился внутри бани, вели себя довольно шумно.

– Трое, – сказал первый. – Или четверо.

– Четверо, – подтвердил второй, прислушавшись. Он достал мобильник.

– Рябой! Мы вышли на первый рубеж, – сообщил он в трубку, выслушал ответ, посмотрел на часы и сказал: – Готовность – минута. Отсчет пошел...

Он мог бы и не считать. Когда вторая группа вынесла двери в дом, не услышать это было трудно. Но те, кто веселился в баньке, все равно не услышали. И даже когда их собственная дверь распахнулась, и пули с чмоканьем принялись дырять голые и полуголые тела, лишь немногие успели осознать, что происходит. Но это их не спасло.

Спустя десять минут после того, как первая пуля пробила череп охранника, в доме и баньке, принадлежавшим авторитетному вору Шуре Чудика, образовалось одиннадцать трупов: восемь мужских и три женских. Еще десять минут потребовалось шестерым убийцам, чтобы обшарить дом и прочие помещения и убедиться, что ни хозяина, ни того, за кем они пришли, здесь нет. Выяснив это, убийцы, не покусившись на имущество убитых, покинули хозяйство Чудика, сели в автобус с мерсовской звездой на радиаторе, поджидавший их в конце улицы, и отбыли в сторону порта. Если бы рядом случайно оказались работники ГИБДД, пару дней назад дежурившие на въезде в Ширгород, то они наверняка узнали бы автобус, возглавлявший автоколонну, которой была обеспечена «зеленая улица».

– ...Мать! ...Мать! – однообразно заругался Монах. – Ну и мясня! Бессон, валим отсюда в темпе!

– Ну-ка! – Евгений отодвинул Монаха и заглянул в баньку. – Ага! Лехи и тут нет! – констатировал он с облегчением.

– Они могли забрать его с собой, – сказал Ленечка.

– Могли. Скорее всего, они так и сделали. Остается выяснить: кто это – «они».

– Бессон, давай отсюда валить! – заныл Монах. – Одиннадцать жмуrow. Накроют – все на нас повесят!

– Тринадцать! – раздался из темноты спокойный голос Сивого. – Там, в канаве – еще двое. И кое-кто живой.

Сивый возник из темноты, толкая перед собой... полуодетую и довольно грязную девушку.

– Какая встреча! – усмехнулся Ленечка. – Мальвиночка, радость моя! Какого хрена ты тут делаешь?

– Я посикать вышла, – рассказывала доступная девушка Мальвина. – На свежий воздух. Только присела, из темноты двое. Шасть к пацанам, что у калитки тусовались. Те даже и не пикнули. Я сразу смекнула и в малине заховаюсь, как мышка. А они – через забор и по тем пацанам, что на веранде у баньки в карты играли. И их – тоже того. Оружие у них такое, ну, прикольное. Не стреляет, а только ляскает, будто железякой по железяке.

– Да уж, прикольное, это точно, – согласился Монах, с вождением поглядывая на острые грудки Мальвины.

Из всей одежды на бедной девушке имелся лишь короткий банный халатик, едва-едва прикрывавший круглую попку.

Мальвина замолчала, уставилась на него испуганно: вдруг сказала что-то не то? Но, поймав его взгляд, быстренько стянула отвороты халатика. Похотливый взор Монаха тут же переместился на ее поцарапанные, не очень чистые, но по-прежнему весьма привлекательные ноги.

– Ты говори, – поощрил девушку Бессонов. – Положили они пацанов на веранде, а что потом?

Мальвина мельком, и довольно равнодушно, глянула на убитых картежников.

– Потом один по телефону говорил, – сообщила она.

– Так... А что именно он говорил, не расслышала?

– Да как же не расслышала! – слегка обиделась Мальвина. – Он же вон там стоял, а я вот там сидела. Страху натерпелась!..

– Что он сказал?! – рыкнул Бессонов.

Сказал: «Рябой, мы пришли на первый рубеж». А потом: «Готовься, минута. Отсчет пошел».

– Интересное кино... – задумчиво произнес Ленечка. – Значит, Рябой... Слышал раньше такое имечко, командир?

– Что-то знакомое... Ладно, потом. Ты говори, говори, детка.

– Ну, потом в доме что-то грохнуло, эти двое в баньку забежали, а я – кустиками к забору, через собачью дырку, на улицу. Хотела дальше тикать, но гляжу: там под липой автобус стоит чужой; огни погашены, но внутри точно кто-то сидит. Я тогда в канаву залезла, а там – крапива! Пострекалась хуже, чем в малине. Но крапива всё лучше, чем вот так, – добавила она рассудительно и кивнула на мертвецов. – А потом те уехали, и сразу вы прикатили. Слышите, мужчины, а вы меня не убьете?

– Мы женщин не убиваем, – успокоил ее Бессонов. – Не бойся!

– Мы их только...! – ухмыльнулся Монах. – Уп! – Локоть Ленечки воткнулся ему в бок.

– Не бойся, – повторил Бессонов. – Еще вопрос: помнишь парня, которого Алексеем зовут? Ты его здесь видела?

– Не-а! – Мальвина мотнула головой.

– А хозяин этого ранчо...

– Чего?..

– Ну, дома этого. Он – где?

– А, Чудик! Пацаны говорили: они за каким-то кладом поехали. На Чудиковом катере.

– Они – это кто?

– Чудик с пацанами и дядька мой с Федором.

– Твой дядька – это Колбасников?

– А то кто же!

- А Алексея в той компании не было?
- Про это не слыхала, – с сожалением ответила Мальвина. – А вы у пацанов спросите.
- Боюсь, не получится, – сказал Ленечка. – Если, конечно, ты не – медиум.
- Медиум – это что, минет такой? – заинтересовалась девушка.
- Нет, это тот, кто с духами разговаривает.
- Слышь, Бессон, давай в машине добазарим! – снова заныл Монах. – Если менты наедут – кранты!
- Ладно, двинулись, – согласился Евгений. – Мальвинка, с нами поедешь, возражений нет?
- Как скажете, мужчина! – Девушка состроила кокетливую гримаску, сквозь которую отчетливо проглядывал страх.
- Бессонов извлек телефон:
- Салават, подъезжай, мы отходим.
- Садись назад, – велел Ленечка Салавату. – Я сам поведу.
- Татарин вылез из машины.
- Лешки нет, да? – Тут он увидел Мальвину.
- А-а-а! – обрадовался Салават. – Сладкая! Садись ко мне на колени!
- Девушка вперед сядет, – распорядился Бессонов. – Сивый, полезай за сиденья и контролируй тыл. Монах, ствол не свети. Все, погнали в больничку.
- Нашего там точно не было! – докладывал Рябой. – Мы все проверили: дом, баню, соседей. Ни парня этого, ни того толстого, с которым ты днем тер, как его... Чудика!
- И куда, как думаешь, они могли деться? – спросил Застенов.
- Рябой пожал плечами:
- Надо людей поспросить.
- Вот и поспрашивал бы, вместо того, чтобы всех подряд валить!
- Я сказал пацанам насчет Шелехова, а про остальных речи не было.
- А сам не сообразил?
- Рябой почесал небритую щеку, вздохнул:
- Ты извини, конечно, Стена, но это ж не наши, из рыбинспекции. Это – курганские, из группы сопровождения. Они сначала стреляют, потом думают.
- Думать за них должен был ты! – сердито произнес Застенов. – Где теперь нам парня искать? Ты, Рябой, меня конкретно подвел!
- Да я понимаю, Стена, – смущенно проговорил старший инспектор. – Давай я сам поищу. В порт съезжу, у меня там информатор один есть, с ворами дружит. Может, он знает.
- Съезди, – разрешил Застенов.
- Когда Рябой ушел, он позвонил Кочко.
- Тиша, это я. Извини, что разбудил...
- Я не спал, – буркнул бывший опер. – Поспишь тут. Дел выше крыши.
- Тогда тем более извини, есть у меня к тебе еще одно дело...
- Застенов вкратце изложил результаты ночного налета.
- Надо искать, – заключил он. – Ты ведь ширгородский, наверняка возможности у тебя имеются.
- Имеются, – согласился Кочко. – Только давай не сейчас. У меня завтра с утра «гастролеры» прибывают по московской теме. Надо все подготовить, чтобы они тут косяка не упорили.
- Ты же им, вроде, всю информацию передал.
- Передал. Но москвич, он, блин, шустрый. Возьмет и опять соскочит. Проколются «гастролеры» – будут проблемы.

– Тиша! – проникновенно сказал Застенов. – Давай не будем о будущем. У меня сейчас проблемы! Москвич – это не главное. Шелехов важнее!

– Я так не думаю. Ты знаешь, к примеру, что в Ширгороде сейчас группа московского спецназа находится?

– Впервые слышу. Большая группа?

– Приличная. Не меньше роты. Элитные головорезы ФСБ.

– «Альфа»?

– Может, и «Альфа», я не уточнял. Знаю, что они у пожарников обосновались, и еще знаю, что подконтрольны они нашему москвичу. Так что, Веня, думаю, москвич все-таки важнее. И прав Григорич: надо от него избавиться.

Застенов хмыкнул. Что ж, теперь, по крайней мере, понятно, почему Хлебалов укрепляет Праздничное, а в Кургане его люди сменили дубинки на калашаи и разъезжают уже не на джипах, а на армейских грузовиках с пулеметами в кузове.

– Почему я об этом не знаю? – сердито спросил он.

– Теперь знаешь, – ответил Кочко. – Не злись, Веня. У меня команды не было – держать тебя в курсе. Наоборот, приказано лишними темами тебя не грузить.

– И кто же такое приказал? – с ноткой угрозы осведомился Застенов.

– Хлебалов. Так что извини, Веня. Ты знаешь, я к тебе нормально отношусь. Послушай...

– Ты послушай! – перебил его Застенов. – Насрать мне, как ты ко мне относишься! Мне *надо*, чтобы ты напряг все свои связи и в кратчайший срок выяснил, где находится Чудик! И ты это сделаешь, потому что я *уверен*, что, отыскав Чудика, мы найдем и Лешку Шелехова! Я, Тиша, всё еще начальник службы безопасности, а ты – всё еще мой подчиненный. Поэтому я уже не прошу, а приказываю тебе: ищи Чудика! Всё!

И бросил трубку.

Бывший ширгородский опер Тихон Кочко повертел в руке мобильник, раздумывая... Он мог сейчас позвонить Хлебалову, разбудить его и попросить подтверждения приказа Стены. Но Хлебалову это могло не понравиться, а Застенову не понравилось бы наверняка.

«Ладно, – решил Кочко. – „Гастролеры“ – ребята ушлые, сами справятся. Тем более, что в этот раз обеспечивать им подходы и прикрытие не требуется. А Шелехова действительно надо найти».

И Кочко взялся за дело.

Через полчаса он уже знал, что Чудик с довольно большой и при этом чисто мужской компанией, в которой присутствовал и бывший капитан Колбасников (Шелехова Тишин «барбан» в лицо не знал), отплыл на собственном катере.

Еще через пятнадцать минут Кочко выяснил, куда ушел катер Чудика, благо, таких направлений было немного: вверх по Юри, вниз, или к противоположному берегу.

Еще через десять минут Веня Застенов поднял с постели начальника рыбинспекции и еще сорок минут спустя с Песчаного поднялся вертолет с группой инспекторов, коим была поставлена задача отыскать и задержать «нарушителей». Учитывая то, что нарушители были вооружены и могли оказать сопротивление, с «рыбинспекторами» отправились трое «специаллистов» из бригады Рябого.

Сам Рябой был с поисков Шелехова снят и получил задание лично от Юматова.

– Ты у нас специалист по умыканию баб, – сказал Рябому Юматов. – Вот и организуй!

Глава седьмая

– Вон туда! – махнул рукой Алексей, и катер, резко сбросив ход, нырнул в узкую протоку. Из камышей с шумом взлетела утка, мелькнула черным силуэтом в белом прожекторном свете и пропала.

– Эх, дробовичок бы... – посетовал Колбасников.

– Точно туда, не напутал? – строго спросил Чудик. Язык у авторитетного вора слегка заплетался.

– Вроде бы...

Алеша действовал наобум. Местности он не знал. Протоку же эту выбрал потому, что она отрезала от берега длинный и узкий островок. Это был пусть небольшой, но шанс. Темнота, камыши вдоль обоих берегов...

– Может, до утра подождем? – в который раз предложил он, заранее зная ответ.

– Ни хрена! – отрезал Чудик. – Вперед! Газуй, Федька, чего тормозишь?

– Не видно ничего, еще на мель сядем или камнем брюхо пропорем! – возразил бывший старпом «Веселого».

Он был несколько трезвее Чудика и своего капитана. К большому сожалению Алеши, три чудиковских «быка» были совершенно трезвы и не спускали с Шелехова глаз. Вдобавок предусмотрительный Чудик на всякий случай надел на Алексея наручники.

Прогулочный катер, красивая белая игрушка, порывивая мощным мотором, неторопливо подминал камыши; его ют почти на полметра возвышался над зарослями. Ослепительная «люстра» пробивала тьму, высвечивая берега: крутой материковый, с подступившими к обрыву соснами – слева, и пологий островной, заросший осинками и кустарником – справа.

– Кажется, здесь, – проговорил Шелехов, показав скованными руками в сторону острова.

Десантировались. Коренастый «бычок» помог спуститься тучному Чудику. Федор кое-как сгрузил Колбасникова. Не потому что капитан боялся прыгнуть с высоты собственного роста, а потому что шкипер так накушался, что вполне мог ухнуть мордой в песок.

– Куда теперь? – спросил Чудик.

– Туда. – Шелехов неопределенно махнул рукой в сторону зарослей. – Там тропинка должна быть...

Логично. Какая-нибудь тропинка наверняка найдется.

Чудик с двумя «быками» энергично ломанулись сквозь кустарник, высвечивая путь мощными японскими фонарями. Третий «бык» остался при Шелехове: держался на шаг позади, контролировал.

Старпом Федя тоже приглядывал за Алексеем, но его можно было особо не опасаться: к Федору намертво принайтовалась малоподвижная туша его капитана.

– Вр-раху н-не сдается н-наш х-хордый «Вар-рых»... – время от времени взрывал шкипер, заглушая окрестных лягушек.

– А-а-а! Есть тропинка! – радостно заорал Чудик. – Фрол! Давай этого сюда!

– Пошел! – Приставленный к Алексею «бык» толкнул его в спину. – Двигай стропами!

Тропинка нашлась. Узкая и извилистая, она забирала вправо, к противоположному берегу. В принципе подходящее направление. Остались пустяки: со скованными руками, в темноте удрать от нескольких мужчин, которые без колебаний применяют оружие.

– Куда теперь? – азартно выкрикнул Чудик.

– Вперед! – Шелехов решительно отодвинул в сторону «бычка» и зашагал по тропинке.

Чудик дышал ему в затылок, лучи фонарей высвечивали обступившие тропку густые кусты ежевики.

Через несколько минут справа, в просвете, мелькнула гладкая поверхность реки. Не обманула тропинка.

Шелехов остановился так резко, что Чудик ткнулся ему в спину.

– Чего?

– Вот это дерево! – Шелехов показал на ничем не примечательную осинку. – Где-то тут...

Он присел и сделал вид, что шарит в кустах. Чудик старательно ему подсвечивал.

– Черт! – пробормотал Алексей. – Где-то здесь отметочка...

– Мать твою! – выругался Чудик. – Такие бабки можно и получше отметить! Не дай Бог потеряются...

– Не потеряются... – рассеянно проговорил Алексей. Его голова в бешеном темпе искала ответ на вопрос: как сделать ноги?

– Точно, где-то здесь... – бормотал он. – Две большие черные сумки... С долларами... Не туда светишь! Дай-ка мне фонарь! – Алексей, не оборачиваясь, поднял скованные руки...

И Чудик, охваченный предвкушением миллионерства, безропотно вложил Алексею в ладонь увесистую японскую штукотину... И Алексей с разворота, распрямляясь, врезал авторитетному вору локтем в живот, опрокинув его на ближайшего «бычка», мазнул белым световым пятном по ошарашенным лицам своих врагов, ослепив их на несколько секунд, метнул тяжелый фонарь в физиономию второму «быку», вслепую потянувшись за пистолетом, сам, почти ничего не видя, нырнул в просвет между кустами, пробился, разрывая одежду, через колючие заросли, выбежал на довольно высокий берег и прыгнул вниз.

На этом его удача закончилась, потому что этот берег был практически лишен растительности: узкая песчаная полоска под обрывом, совсем реденькие камыши – и почти черно-стеклянная, озаренная лунным светом поверхность могучей реки.

Никаких шансов затеряться. Или уплыть от катера, который через пять минут обогнет остров и окажется здесь. Тем более – со скованными руками.

Первая мысль: вскарабкаться обратно и попробовать укрыться на острове. Но от нее пришлось отказаться. Наверху, с хрустом ломая кусты и матерясь, рвались к ускользнувшей жертве разъяренный Чудик с товарищами.

Алексей отбросил заманчивую идею спрятаться под водой. Это было глупо. Бежать тоже глупо: пуля догонит. Тем не менее он бросился бежать, уповая на то, что преследователи, быть может, не станут сразу палить, а захотят взять его живым.

Бежать по влажному песку было легко. Пока преследователи выбирались из кустов, Алексей промчался метров семьдесят – и наткнулся на оползень. Мысок шириной метров десять был подмыт, земля сползла вместе с кустами и кривыми деревьями, образовав совершенно дикое переплетение корней и стволов.

Шелехов обогнул препятствие по воде и устремился дальше. Его преследователи как раз выбрались на берег, и оползень очень удачно заслонил от них Алексея...

Он резко остановился. Новая мысль пришла ему в голову. Он оглянулся. Цепочка отчетливо видимых в лунном свете следов тянулась за ним.

Войдя по колено в воду, Шелехов бросился обратно.

Он успел. Зарылся в песок (чертовски трудное дело, когда у тебя скованы руки) между двух вывороченных корневищ, буквально на несколько секунд опередив подбежавших к завалу пацанов Чудика. А затем наблюдал, как они, высунув языки, носятся вдоль берега и светят фонарями, пытаясь обнаружить беглеца в реке.

– Искать! Искать! – орал на них авторитетный вор, от переживаний даже слегка отрезвевший. – В наручниках он не мог далеко уплыть. Двести баксов тому, кто поймает!

Федора среди искавших не было.

Минут через пять, услышав треск мотора, Шелехов сообразил, куда подевался старпом.

Теперь Алексея искали на два фронта: на воде и на земле. Катер зигзагами бороздил Юрь, а «быки» шарили в кустах вдоль берега. Чудик некоторое время сидел на стволе в каких-нибудь пяти метрах от Шелехова и распоряжался. Позицию он выбрал крайне «удачную»: никому и в голову не приходило искать беглеца так близко от «командного пункта». Тем не менее, Алексею приходилось нелегко: не пошевелинуться, ни даже вздохнуть поглубже.

Через полчаса Чудику надоело отсиживать толстую задницу. Он перебрался на катер, всосал еще стакан, с новыми силами наорал на своих подчиненных, а затем отстранил Федьку от управления плавсредством и принялся рулить сам. Катер с бешеным ревом выписывал замысловатые кренделя. Пацаны шарили в колючих кустах и громко ругали беглеца, Чудика и свою нелегкую криминальную стезю. Только сам беглец сидел тихо-тихо, и потому первым услышал посторонний звук.

Рев накатился с неба, играючи перекрыв рык дизеля. Ослепительный луч ударил сверху. В сравнении с ним «люстра» катера смотрелась как карманный фонарик.

– Заглушить двигатель! Всем оставаться на местах! Рыбинспекция! – прогремел с небес тысячекратно усиленный голос. – Приготовить плавсредство к досмотру. При попытке сопротивления – открываем огонь на поражение.

Послушный Федор заглушил мотор.

– Ты что делаешь! – заорал на него Чудик. – Эй вы, там! Рыбинспекция! Какого хера вам надо? Не видите, что...

Последние слова Шуры утонули в новом рыке:

– Всем оставаться на местах! Приготовить судно к досмотру!

– Ах вы...! – завопил Чудик. – Да я вас...! Мочи козлов, братва!

Будь Чудик потрезвее, он бы крепко задумался, прежде чем отдать такой приказ. Но Шура был пьян и разъярен, а его бычары вообще не были приспособлены, чтобы думать. Сказано мочить, значит мочить. Все трое задрали головы и принялись палить из пистолетов в ослепительное «солнце».

Результат не заставил себя ждать. Сверху загрохотало сразу несколько стволов, один из «быков» повалился, а двое других проворно нырнули в заросли и палили уже оттуда, пока не кончились патроны. На вертолете с амуницией дело обстояло намного лучше. Сверху поливали минимум в три ствола: по зарослям, по катеру, перфорируя тонкую жесть, а заодно – самонадеянного Шуру Чудика.

Только бывший старпом успел среагировать правильно: при первом же выстреле сиганул с двухметровой высоты в воду и выскочил на берег в каких-нибудь трех шагах от затаившегося Алеши. Пули взметнули песок на расстоянии полутора метров от норы Алексея, но за старпомом не успели. Тот проворно вскарабкался вверх и лосем попер сквозь заросли – подальше от зоны боевых действий.

Стрельба прекратилась. Катер Чудика затонул. Вертолет еще некоторое время побарабанил над островом, затем ушел в сторону города. Сразу стало совсем темно.

Минут через десять, убедившись, что его больше не ищут, Алексей рискнул выбраться из своего укрытия.

Труп одного из «быков» лежал на пропитавшемся кровью песке. Фонарь был разбит. Пистолет валялся в нескольких шагах.

Стиснув зубы, Алексей обшарил карманы покойника. Его добычей стали: бумажник, зажигалка, перочинный нож, горстка пистолетных патронов и... ключи от наручников.

Как это приятно: снова стать свободным!

Алеша вымыл руки, протер запачканную кровью рукоятку пистолета, ничем не примечательного «макара», с большой степенью вероятности произведенного на Курганском заводе, дополнил обойму и покинул нехорошее место.

Спустя несколько минут он наткнулся на еще один труп... На поверку оказавшийся не трупом, а вполне живым, только мертвецки пьяным капитаном Колбасниковым.

С минуту Алексей боролся с искушением утащить капитана куда-нибудь в другое место, подальше от неприятностей. Все-таки «речной волк» пострадал и по его вине. Но, поразмыслив, Шелехов искушение преодолел. Во-первых, весил капитан больше центнера, во-вторых, еще неизвестно, как он себя поведет, когда очухается.

В общем, протоку Алексей переплыл один, выбрался на «материк», прикинул направление и решительно двинулся сквозь ночь. Настроение у него было приподнятое, трофейный пистолет оттягивал карман, и Алексей даже почти забыл о том, что его девушка – снова в руках Хлебалова...

...Усиленный наряд «рыбинспекции» прибыл на остров через сорок минут после того, как Алексей его покинул. «Рыбники» подобрали трупы чудиковских «быков» (самого Чудика вытаскивать не стали, отложили до утра) и одного живого: экс-капитана Колбасникова.

Трупы отвезли на Песчаный и уложили в «холодильник», а Колбасникова, без труда опознанного по документам, доставили прямо к алчущему его допросить Юматову. К большому огорчению последнего, никакие словесные и физические аргументы не смогли привести капитана в «рабочее» состояние, так что допрос пришлось отложить до утра.

Глава восьмая

Уже начало светать, когда Алеша наконец вышел к магистрали. До Ширгорода согласно дорожному указателю оставалось двадцать два километра. Неслабо они ночью проплыли.

Двадцать два километра – это четыре часа ходьбы. Ни малейшего желания совершить марш-бросок у Алексея не было. Он не спал почти сутки, и сутки это были довольно насыщенные. Каждая косточка его молодого организма намекала, что пора бы ей дать передышку.

Но поймать попутку оказалось делом нелегким. Во-первых, машин на дороге практически не было, во-вторых, внешний вид Алексея был весьма далек от подобающего джентльмену их привилегированного британского колледжа.

Из шести проследовавших в нужном направлении машин притормозила только одна, но и ее владелец, присмотревшись к голосующему, тут же вдарил по газам. Даже пятидесятидолларовая купюра, изъятая из тощего бумажника чудиковского «бычка», не впечатлила водителя.

Простояв минут сорок с поднятым пальцем, Алексей плюнул, двинулся пешком... И первая же попутка, зеленый, не первой свежести «опель»-внедорожник, обогнав его метров на двадцать, тормознул, затем сдал назад и остановился рядом.

Дверца распахнулась.

– Садись!

Шелехов заколебался. Пригласивший его стриженный под ноль парень Алексею резко не понравился.

– Мне – в Ширгород, – сказал он осторожно.

– Садись! – повторил стриженный, открывая заднюю дверь. – Сумку только сдвинь.

И Алеша сдвинул сумку (в ней что-то лязгнуло) и сел. У водителя был такой же стриженный крепкий затылок, как у первого парня. Ну, в конце концов, у Алексея есть пистолет, и позиция у него выигрышная.

Щелчок – водитель заблокировал дверь. Алеша напрягся, но никаких враждебных действий не последовало. «Опель» с ревом рванул с места и в считанные секунды разогнался до ста тридцати. Несмотря на потрепанную внешность, внутренности у внедорожника были в порядке.

– Ты что, пацан, с кошкой дрался? – спросил водитель вполне миролюбиво.

Шелехов рефлексивно провел ладонью по лицу, глянул на себя в зеркало заднего вида: да, царапин и ссадин на физиономии хватало. Не удивительно, что его никто не хотел брать.

– С дерева упал, – сказал Алексей.

– А на дерево зачем полез?

– Рыбу ловил... в неподобающем месте. А тут инспекция...

– Бывает. – Внедорожник, разогнавшийся уже до ста сорока, легко, как стоячий, обошел по встречной здоровенный «трак». Тут дорога вильнула, и «опель» едва не вылетел на обочину. Но водитель справился.

– У меня тоже однажды было, – сказал он. – Завалили с братаном лося в заказнике у Черной лощины, ну, ты знаешь (его приятель кивнул), а тут этот козел, егерь...

– И что? – изобразил заинтересованность Алексей.

– И его тоже завалили, – сказал водитель. – А братан мне говорит... Прикинь, – он повернулся к соседу, – давай, типа, чтоб мясо зря не пропадало... Освеживали, короче, обоих, порубили, в кабак один продали.

– В какой кабак? – поинтересовался второй.

– Да на Ленинском, который под «черными», забыл, как называется... Прикинь, там лохи три дня, типа, лосятину хавали!

Оба рассмеялись.

– А кабак тот уже не под «черными», – сказал второй. – Его, типа, китаезы под себя забрали.

– Бля! – огорчился водитель. – Лезут в каждую щель, суки! Давно их мочить пора!

– Ты это Сипу скажи! – предложил второй. – Он с ними темы крутит.

– А мне по фигу! – сказал водитель. – Счас заказ сделаем, вернемся, я ваще к Коряге уйду.

– Так тебя Сип и отпустит? – засомневался второй.

– Отпустит! Коряга Сипа покруче!

Помолчали. Потом первый сказал:

– Не, я тебя, Дюха, все равно не понимаю. Не один ли тебе хрен, кто заказы засылать будет.

– Это тебе, может, по фигам, кого мочить, а мне, типа, разница есть! – не согласился водитель. – Коряга опять же на зоне авторитетней.

– Это да, – согласился его спутник, и уже обращаясь к Леше: – Слышь, древолаз, ты нас не ссы. Это, типа, просто работа у нас такая. Типа, командировка. Мы кого попало не мочим...

– За бесплатно, – уточнил водитель.

– А за тебя хрен кто заплатит!

Оба засмеялись, не ведая, насколько далеки они от истины.

Второй достал бумажник, вытащил из него фото:

– Слышь, древолаз, ты сам – ширгородский?

– Из области, – уклончиво ответил Алексей.

– А город знаешь?

– В общем да...

– Гостиница «Сокол», это где?

Алексей напряг память, на которую в общем не жаловался...

– Где-то на Славянке... Улица Пешкина, кажется...

– Точно! – обрадовался стриженный. – Так тут и написано: Пешкина, восемнадцать. Покажешь?

– Я лучше расскажу, как доехать, – сказал Шелехов.

– Очко играет, да, древолаз? – усмехнулся стриженный.

Алексей промолчал.

Стриженный продолжал вертеть в руках фото:

– Стрёмный какой-то клиент, – пробормотал он. – Слышь, Дюха, как считаешь?

Водитель взял фотографию:

– На мента похож.

Он вернул фото приятелю.

– Может, и мент, – согласился тот. – Или типа того.

Алексей, успевший мельком увидеть фото, склонен был согласиться. И еще у него было большое искушение достать пистолет и пристрелить обоих.

Но на скорости в сто сорок это было рискованно, да и убивать вот так, запросто, Алеша не умел.

– В прошлый раз порядка больше было, – сказал водила. – Конкретно вывели. А этот, типа, как его, Куркин, ни хрена не организовал.

– Может, тебе клиента еще скотчем оклеить? – спросил его приятель. Оба заржали.

– Слышь, древолаз, анекдот про день рождения киллера знаешь? – спросил водитель.

– Нет.

– Давай я расскажу, – вмешался второй. – Ты рули. Короче, день рожденья у киллера одного. Типа кореша собрались, все такое, ну, конвертик ему заряжают. А там – заказуха на лимон бакинских. Ну, как положено: фото там, установочные данные. Ну, ваще! Киллер: типа, спасибо, а пацаны ему: спокойно, братан! И винтарь кладут конкретно снайперский, бельгий-

ский, оптика там, все такое. Киллер уж не знает, чё сказать. А пацаны ему: типа, еще не все. И вытаскивают из подвала того, на кого заказ, типа, упакованного, прямо на стуле, глаза выпучив, и ленточкой красивой перевязанного. Ну, киллер аж чуть не в слезы: «Пацаны!...» И всё такое. Винтарь берет, а пацаны ему: погоду, братуха, ты ему, типа, скоч с хавальника отклей. Ну, тот отклеивает, а клиент ему: «Хеппи бездей ту ю!...»

Алеша выдавил смешок. Он увидел на обочине знак: скоро пост ГИБДД.

Может, рискнуть? Но что он скажет милиции? Или попросить его высадить? А если эти отморожки решат, что он хочет их сдать?

– Сбрось, – сказал второй, который тоже увидел знак. – Нам заморочки ни к чему.

Водитель послушно сбросил до восьмидесяти. Мог бы и не сбрасывать. На посту ГИБДД никого не было.

Через пять минут они въехали в город.

– Ну чё, древолаз, не передумал? – спросил второй.

– В смысле? – построил дурачка Алеша.

– Дорогу покажешь?

Алеша молчал, внедорожник неторопливо катился по пустынной (шесть утра) улице.

Алеша думал. Если бы у него был телефон... Но его мобильник остался в доме Чудика. Был бы телефон, позвонил бы Бессонову... На этих бандитов одного Салавата хватит с лихвой. Допустим, они его отпустят... Каламбур, однако. Допустим. Кто он для них сейчас? Мальчишка-браконьер, у которого не все в порядке с законом. Такой вряд ли пойдет в милицию. И так, они его отпускают, он в срочном порядке ищет телефон и звонит... Куда? Алеша вдруг сообразил, что не помнит ни одного нужного номера. Даже номера Бессонова. Блин! Шелехов всегда считал, что у него отличная память, а тут... Устал, наверное. Голова совсем не соображает. Вдруг откуда-то из глубин подсознания всплыл номер мобильного Нади Павловой. В принципе, годится. Если Надя не отключила его, скажем, на ночь...

– Давай, пацан, решайся! А мы тебе денег дадим... – посулил стриженный.

– Денег?

Или все-таки рискнуть... А как иначе? Если он поедет с этими отморожками, живым его вряд ли оставят. Но убивать, скорее всего, будут не *до*, а *после*...

– А сколько денег?

– Стоху!

– Не-е! Это мало!

– Ну, ты наглый! – сказал водитель. – Мы тебя в город привезли, а ты еще менжуешься!

– Ну, хоть рублей двести дайте! – заканючил Алеша. – А то у меня рыбинспекторы все выгребли!

– Двести *рублей*! – Бандиты заржали.

– Ладно, – сказал стриженный. – Дадим тебе двести. – Они переглянулись, и Алеша понял, что ничего они ему не дадут. Ни двести рублей, ни двести долларов. Покойникам деньги не нужны.

– Тогда поехали! – решительно заявил Алеша. – После перекрестка направо...

Гостиница «Сокол», невзрачное пятиэтажное строение эпохи шестидесятых, терялось внутри квартала среди таких же невзрачных жилых пятиэтажек.

– Мотор не глуши, – сказал второй водителю. – А ты посиди в машине, древолаз. Мы быстро. Вернемся – рассчитаемся. И подбросим, куда скажешь. Договорились?

Алеша кивнул.

– Ты, кстати, рулить умеешь? – поинтересовался водитель.

Алеша отрицательно мотнул головой.

– Ну и хорошо.

Оба вылезли из машины, вытащили сумку, открыли багажник...

«Телефон, – думал Алеша. – В гостинице наверняка должен быть телефон...»

Багажник захлопнулся.

– Сиди тут! – распорядился напоследок стриженный, и оба направились ко входу. Двери были закрыты, но водитель попинал их ногой, по ту сторону появился дежурный. После кратких переговоров двери открылись, и бандиты вошли...

Мотор внедорожника урчал. Ключи торчали в замке. Можно было просто уехать...

Алеша выбрался из машины и решительно направился к гостинице. И так же решительно постучал.

Никакой реакции.

Шелехов рванул дверь... Что-то щелкнуло, и дверь открылась.

Дежурный лежал на полу за стойкой. Голова в крови. В холле – никого. Но телефон – вот он. Шелехов быстро набрал номер Нади... И узнал, что аппарат отключен или вне зоны приема. Черт!

Дежурный застонал, зашевелился. Алексей схватил его за плечо, встряхнул.

– Номер! – рявкнул он. – В какой номер они пошли?

– Триста третий... – прошептал дежурный, попытался встать, и тут его вывернуло.

Но Алеша этого уже не видел. Он бежал по лестнице на третий этаж...

Еще за пролет он услышал женский голос, вероятно, дежурной по этажу: «Вы к кому, моло...», и звук, напоминающий сдавленный писк.

Алеша вихрем пролетел последние ступеньки, на ходу вытаскивая ПМ.

Оба бандита стояли у номера. Водитель Дюха вставлял в замок ключ, второй киллер – рядом, в руке – пистолет с непропорционально длинным и толстым стволом.

– Стоять! Оружие на пол! – крикнул Алеша, прицелившись.

Водитель, уже приоткрывший дверь, замер.

– Ба! – сказал его напарник. – Древолаз! Какого хрена! – и повернулся навстречу Алеше, шагнул вперед, поднимая пистолет.

Не раздумывая, Шелехов нажал на спусковой крючок...

Ничего!

Бандит ухмыльнулся.

– С предохранителя сними! – посоветовал он. – Если успеешь! – Толстый срез глушителя смотрел Шелехову прямо в лоб. Оцепенев, Алеша глядел в него...

Негромкий хлопок, удар где-то за спиной, короткий визг срикошетившей пули слился с возгласом бандита Дюхи, который потерял равновесие, не успев вовремя выпустить ручку резко открывшейся двери. Его напарник отвлекся на долю мгновения как раз тогда, когда его палец нажимал на спуск, и предназначенная для головы Алексея пуля ушла в «молоко».

Вышедший из ступора Шелехов наконец-то вспомнил, чему его когда-то учили дядя Коля Яблоко и Веня Застенов, метнулся в сторону, упал на живот (бандит успел выстрелить дважды и оба раза промахнулся), сдвинул флажок предохранителя, выстрелил (ПМ грохнул так, что уши мгновенно заложило), – пуля ударила в потолок. Алеша выстрелил еще раз и на этот раз попал. Бандита ударом тупой пээмовской пули развернуло и опрокинуло ничком на пол, а пистолет отлетел в сторону и упал метрах в трех от своего прежнего хозяина.

Водитель Дюха задним ходом, спиной вперед выдвинулся из номера. Руки он держал над головой. Держал очень старательно, потому что в пах ему упирался ствол пистолета.

– Опять ты, – сказал Андрей Игоревич, глядя через плечо бандита на поднимающегося с пола Алешу. – Какими судьбами на этот раз?

– Да так, мимо проходил... – пробормотал Алеша, на которого разом навалилась невероятная усталость.

– Мордой к стене! – скомандовал плененному бандюку подполковник. Тот выполнил команду, получил рукояткой пистолета по затылку и осел на пол. Подполковник подошел ко второму. Бандит лежал ничком. Ковролиновая дорожка под ним набухла от крови.

Подполковник посмотрел в сторону лестницы. В трусах и майке, с пистолетом в руке, он, тем не менее, не выглядел комично. Скорее, наоборот.

– Их только двое, – угадал его мысль Алеша. – Андрей Игоревич, можно, вы тут сами разберетесь, а я пойду?

– Куда это?

– Помыться и спать.

– Помыться можешь у меня в номере. И поспать тоже, – сказал подполковник. – Согласен?

– Замечательно.

– Ты в курсе, что твои друзья тебя уже сутки ищут?

– Догадываюсь. Передайте им, пожалуйста, что у меня все нормально.

– Это с какой стороны посмотреть... – проворчал подполковник, но Алеша не услышал.

– Телефон мне принеси! – крикнул Андрей Игоревич. – Он там, на тумбочке. И отбой на восемь часов. Лицо лосьоном продезинфицируй. Он тоже на тумбочке.

Подполковник был очень наблюдателен. Профессия такая...

Глава девятая

Вечером прошлого дня, как раз в то время, когда Алеша Шелехов соблазнял ныне покойного Шуру Чудика виртуальными миллионами, замначальника сурынской безопасности Курков в отсутствие своего непосредственного начальника (экстренно отбывшего в столицу – решать неотложные вопросы), лично докладывал Льву Никитичу о наиболее важных событиях, происшедших с того момента, когда пуля, выпущенная из снайперской винтовки, прервала самое важное сурынское мероприятие текущей недели.

Лев Никитич, еще не отошедший от наркоза, лежавший под капельницей, плохо соображавший, но тем не менее не пожелавший следовать настоятельным рекомендациям лучшего в городе хирурга (спать, спать и никаких деловых контактов), выслушал все новости, включая историю о конфликте Хлебалова и Грязного, и очень огорчился, узнав, что местонахождение его невесты пока установить не удалось.

– Ищи! – сказал он, с трудом ворочая языком. – Землю рой! На хрен ты мне нужен, если своей работы не делаешь...

Курков почтительно молчал. За три тысячи долларов в месяц можно многое стерпеть. Тем более, что, по сути, хозяин прав.

– Надька где? – внезапно спросил Сурын.

– Была тут, Лев Никитич. Час как уехала. Сказала: утром приедет.

Сурын пожевал губами.

Племянница, единственная дочь его родной сестры, фактически была его главной наследницей. Женить бы ее, шалаву, по уму...

Если бы он знал о ночном инциденте, когда люди Хлебалова едва не похитили его племянницу... Если бы племянница решилась об этом рассказать...

А она уже почти решилась и рассказала бы непременно, не пребывая Лев Никитич нынче утром в отключке.

Но хотя Сурын об инциденте понятия не имел, интуиция у него имелаась. Иначе не быть бы ему одним из ширгородских магнатов.

– Глаз с Надежды не спускать! – велел он. – Не дай Бог что – лично ответишь.

– Так точно, Лев Никитич!

– Все. Свободен. Завтра в десять – ко мне.

– Завтра в десять у вас осмотр, – напомнил Курков.

– Осмотр подождет. Булкину мне найди! – Сурын даже слегка приподнялся на кровати. – Найди ее, понял?

– Найдем, Лев Никитич, не беспокойтесь!

Сурын закрыл глаза, и Курков, кивнув сиделке, беззвучно выскользнул из палаты.

У входа бдили двое его молодцов, вытянувшихся при виде начальства, и здоровяк-омовец, присланный по личному распоряжению начальника ГУВД.

– Найди... Легко сказать... – бормотал Курков, спускаясь по мраморной лестнице.

Впрочем, у него впереди была целая ночь. И он еще не знал, что совсем скоро его оповестят о еще одной пропаже.

– Опять двадцать пять! – проворчал Петровский. – Точно как в прошлый раз нас с Колькой подставили.

– Токо это уже не «Газель», – справедливо заметил его новый напарник.

На сей раз за белым «рено» племянницы хозяина пристроилась помятая «вольва».

– Пробей номера! – велел Петровский, пристраиваясь в хвост «хвосту».

– Нету таких! – спустя десять минут сообщил напарник. – Паленые. Начальник сказал...

Петровский так и не узнал, что сказал начальник. «Вольво» резко газанула (Петровский тоже, на автомате), а потом так же резко ударила по тормозам, а поскольку тормоза у нее были получше, чем у «девятки», за рулем которой сидел Петровский, то «жигуль» с ходу воткнулся в крепкий бампер.

Напарник улетел головой в стекло, водитель удержался, но от рывка ему стало совсем худо (последствия прошлого ДТП еще не прошли), зрение отключилось, а когда включилось, то в лоб ему уже летел черный ружейный приклад.

Снова очнулся боец сурьинской «наружки» на больничной койке, поэтому бедняге не довелось увидеть, как массивный джип с никитскими номерами притер белый «рено» к обочине, а двое выскочивших из внедорожника мужчин, проигнорировав протестующие крики, вытащили сурьинскую племянницу из машины, запихнули на заднее сиденье и укатили в направлении порта.

Так потом рассказали милиции и сурьинским безопасникам свидетели похищения.

Девушка, лежавшая на узкой, застеленной солдатским одеялом койке, была красива. Именно была. Сейчас лицо ее распухло и почернело от кровоподтеков, густые светлые волосы спутались, некогда элегантная блузка разорвана, юбки не было вовсе, низ живота прикрывало грязное полотенце, длинные стройные ноги были грязны, исцарапаны и тоже покрыты синяками.

– Гляди, коза! То же и с тобой будет! – пообещал Рябой, сжимая грубыми пальцами затылок Нади Павловой.

Надя промолчала. Она уже убедилась, что ее угрозы здесь не бояться. Этим бандитам все равно, кто она такая, или они слишком тупы, чтобы понять, кто ее дядя. Тем не менее первый испуг прошел, и племянница Сурына не очень-то поверила словам бандита. Никто не посмеет *так* обращаться с ней. Если ее похитили, чтобы шантажировать дядю Лёву, то какой смысл ее избивать?

Рябой толкнул Надежду к соседней койке.

– Параша – там.

– Да что вам нужно, в конце концов? – не выдержала Надя. – Можно же нормально сказать!

– Скоро все узнаешь, коза, не шепести! – отрезал Рябой, и дверь с лязгом захлопнулась за ним.

Дверь была совсем как тюремная: стальная, с окошком посередине. Из забранного решеткой окна, расположенного слишком высоко, чтобы маленькая Надя могла до него дотянуться, сочился свет. Еще в комнате был умывальник. Из него в большую алюминиевую кружку сочилась струйка воды. Под раковиной, на покрытом линолеумом полу, стояла «ночная ваза».

Избитая девушка застонала. Надя наклонилась к ней:

– Пить хочешь?

– Да... – Девушка открыла глаза, вернее, один глаз, превратившийся в узкую щелочку. Второй совсем заплыл. – Ты...

– ...Такая же пленница. Меня Надей зовут. Пей. – Она аккуратно приподняла голову девушки и поднесла кружку к ее разбитым губам.

– Я – Мария... – прошептала девушка, напившись. – Маша... Ой!

– Потерпи немножечко. – Смоченным в воде платком Надя осторожно протерла ее лицо.

– Я тебя знаю... – пробормотала избитая девушка. – Ты – родственница Сурына, да?

– Да. – Скрывать очевидное не было никакого смысла. – Мы встречались?

– В прошлый понедельник. На приеме у представителя Президента.

«Однако!» – подумала Надя. Всю ширгородскую элиту она знала и сейчас попыталась вспомнить, как выглядела несчастная девушка до того, как ее избили... Нет, не получается.

– Я секретарь... Руслана Васильевича Медведева, – прошептала девушка.

Надя изумилась. Конечно, секретарь – не фигура, но кем же надо быть, чтобы одновременно замахнуться сразу на обоих ширгородских магнатов? Или очень сильным, или, что более вероятно, совершенно отмороженным.

И, додумав эту мысль до конца, Надежда испугалась по-настоящему.

– Все будет сделано, Николай Григорьевич! – заверил Веня Застенов и уже собрался уходить, когда зазвонил его мобильник.

– Да, я, – сказал Веня.

Затем он молча слушал примерно минуту, после чего протянул мобильник Хлебалову.

– Кто это? – насторожился тот.

– Не поверишь, Николай Григорьич. – Застенов криво улыбнулся. – Один из отморожков Ваньки-Мстителя. Хочет с вами пообщаться.

– Ловушка? – еще больше насторожился никитский князек.

Веня пожал широкими плечами.

Его хозяин взял мобильник.

– Хлебалов, – буркнул он. – Говори, я слушаю...

Глава десятая

– Ты куда? – сидевший на стуле у кадки с пальмой мужчина поднялся и загородил Мальвине путь.

– Туда, дядечка. – Она показала на дверь номера.

Мужчина оглядел ее внимательно, молоденькую девчонку в красном топике, весьма рельефно облегавшем грудь, и штанишках до колен, обтягивающих настолько, что можно было различить даже растительность на лобке. Очень возбуждающие штанишки, но мужчину в данный момент больше волновали не маленькие интимные подробности, а то, что под таким нарядом невозможно спрятать оружие.

– Зачем тебе туда?

– Там мальчик один! – Девчонка сверкнула белыми зубками. – Очень меня ждет!

– Ты уверена?

– Так мне дядечка сказал.

– Какой еще дядечка?

– Такой... – Девчонка сделала неопределенный жест. – Такой серьезный. Дядечка сказал: поднимись в триста третий номер и скажи мальчику, что дядечка Монах и дядечка Салават ждут его внизу.

– Повернись! – скомандовал мужчина.

Девчонка крутнулась на пятке: тонкая шейка, голая спина, туго обтянутая круглая попка... Никакого металла, если не считать сережек.

Мужчина достал телефон:

– Андрей Игоревич, к нашему подопечному гостю. Хочет его забрать... Тебя как зовут? – обратился он к девушке.

– Мальвина.

– Мальвина... Понял, хорошо.

Мужчина подошел к номеру, отпер его своим ключом:

– Заходи!

Мальвина вошла, дверь закрылась. Мужчина остался снаружи.

Мальвина огляделась. Так себе номерок. Не люкс, даже не полулюкс. Дешевая двухместная коробка для командировочных.

Парень, за которым ее прислали, спал. Лежал совершенно голый (простыня на полу), раскинувшись, на спине. Лицо исцарапано, на боку синяк... А красивый парень. Мускулистый, поджарый, длинноногий... Самый любимый Мальвинин типаж. Мальвина почувствовала, как внизу живота потеплело... Ну да, есть у Мальвины грешок, любит она мужчин. Ну и что? Кому от этого хуже? Нравится ей это дело! И мужчинам нравится, что ей нравится, а дает она тоже не всякому-якому... А что деньги берет, так ведь не у всех, а только у кого есть. Мальвина – не какая-нибудь вокзальная проститутка. Она – девушка для развлечений, вот она кто. И самой ей тоже развлекаться нравится! Проститутки – это те, кого кто хочешь – во все дырки, и на «субботники» по обяzałовке, и по морде, если что не так. А Мальвина не такая. Мальвина просто веселая девчонка. Делает, что хочет, что нравится... А этот мальчик ей ну очень нравится...

Мальвина встала у кровати на коленки, наклонилась, поймала накрашенным ротиком то, что хотела поймать...

Алеша проснулся от сладкого ощущения внизу живота. И даже когда из него выплеснулось накопленное желание, он еще некоторое время лежал с закрытыми глазами, блаженствуя, и далеко не сразу сообразил, что кто-то продолжает манипулировать его мужским достоин-

ством. Тогда он открыл глаза и увидел у своих чресел светловолосую головенку, чья хозяйка посредством проворных ручек и умелых губок пыталась разбудить его временно увядший пыл. Пыталась небезуспешно.

– Эй!

Головенка вскинулась. Алеша увидел раскрасневшееся юное личико, пухлые губки с размазавшейся вокруг помадой...

– Ты что делаешь? – задал он идиотский вопрос.

– Я? – Проворные пальчики продолжали свое крайне приятное дело.

Где-то Алеша уже видел эту мордашку.

– Ну-ка, прекрати! – Алеша сел, оттолкнул девчонку.

Та поднялась с колен, выпрямилась. Кажется, обиделась...

– Если хочешь знать... – начала она сердито.

Юбка сбилась вверх, под ней оказались тоненькие черные прозрачные трусики, подмокшие снизу, там, где округлые загорелые бедра сходились в заманчивую ложбинку.

Алеша вдруг ощутил такое невероятное желание, что даже сам удивился. И порыв его не остался незамеченным.

Девчонка осеклась на полуслове. Глаза ее вспыхнули, ноздри расширились. Алеша мигнул, встряхнул головой, отгоняя сон...

Этого мгновения оказалось достаточно, чтобы красный топик оказался на ковре, а две острые грудки с воинственно торчащими сосками получили свободу и принялись весело подпрыгивать, пока их хозяйка энергично стаскивала с себя юбку и трусики. На последнем действии она споткнулась, и Алеша рефлекторно поддержал ее, поймав за локоток.

В следующий момент он уже валился на кровать, увлекаемый изящным «противником», и даже сам не успел уловить, как его весьма возбужденное орудие наслаждения оказалось в предназначенном для него месте, стройные ножки взлетели и сомкнулись в «замок» вокруг Алешиных бедер, острые ногти вонзились в спину, а такое хрупкое на вид тело с неожиданной силой выгнулось вверх, ему навстречу...

«Эх! – сказал кто-то внутри Алеши. – Теперь всё! Чего уж теперь... Раз уж так... Теперь только и остается, что получить удовольствие! По полной программе. Давай, Стрелок! Бей в цель и ни о чем не думай! Один раз живем...»

... Человек, оставленный подполковником присматривать за Шелеховым, аккуратно приоткрыл дверь, поглядел немного, вздохнул с легкой завистью и дверь закрыл.

Внизу, у входа в гостиницу, истомленный ожиданием Монах буркнул недовольно:

– Что они там, трахаются что ли?

– А-а-а! – Салават покрутил толстым пальцем перед носом Монаха. – Не только у тебя яйца есть!

– Да пошел ты!

– ...Но только у тебя, Монах, мозги – в яйцах! – И загоготал, очень довольный.

Глава одиннадцатая

– Ну, молодец! Ну, Леха! Ну, орел! – Алексея тискали, похлопывали по спине, легонько тыкали в живот и вообще допускали по отношению к нему фамильярность, по строгим английским меркам совершенно недопустимую. Шелеховскому организму, еще не избавившемуся от многочисленных ушибов, это не очень нравилось, но Алексей терпел. Потому что ему было чертовски приятно. Эти, может, и не слишком воспитанные мужики – его настоящие друзья. А друзей следует принимать такими как есть, даже если они не умеют пользоваться столовыми приборами и строить фразы в соответствии с правилами русского языка.

– А я думал, ты только головой можешь, – высказался даже скупой на похвалу Сивый.

– Эх, Леха, а мы тебя уже похоронили! – порадовал Монах.

– А теперь Хлебалку хоронить будем! – во все тридцать два зуба лыбился Салават.

– Ну ладно, ладно, всё! – вмешался Бессонов, заметив, что дружеские объятия не доставляют молодому человеку особенного удовольствия. – Давай, Алексей, рассказывай!

– Сначала – пара вопросов. Первый: что известно об Алене?

– Немного. – Улыбка сбежала с лица Бессонова. – Мы знаем, что она у Хлебалова. Это все.

– Второй вопрос: как Уж?

– В порядке! – Бессонов снова улыбнулся. – То есть, не совсем в порядке, конечно, но вчера вечером пришел в себя. Доктора говорят: кризис миновал, теперь пойдет на поправку.

– А вот подружка его, Павлова, куда-то пропала, – вставил Ленечка. – Обещала еще вечером приехать – и до сих пор нет.

– Может у дяди? – предположил Алексей.

Ленечка покачал головой:

– Нет. Мобильник ее не отвечает (это Леша и сам знал). Мне это не нравится.

– Мне тоже. – Шелехов чувствовал свою ответственность за Надю. Она ему здорово помогла, а он фактически лишил ее покровителя. Сурьин ведь оказался в больнице не без его участия...

– Мне тоже это не нравится, – кивнул Ленечка. – Я думаю, отсюда надо срочно уходить.

– Уж нетраспортабелен, – напомнил Бессонов.

– Все равно риск слишком высок. – Ленечка нахмурился. – Ты знаешь, как я к Ужу отношусь... Но если до вечера нам не удастся найти Павлову, я категорически настаиваю на том, чтобы отсюда убратся.

– Так ищи! – сердито произнес Бессонов.

– Буду искать, не сомневайся, – жестко ответил Ленечка. Алексей никогда не слышал, чтобы он разговаривал таким тоном с Евгением. – Монаха и Седого я забираю, – безапелляционно заявил Ленечка. – И обе тачки.

Не дожидаясь ответа, он повернулся и вышел. Седой и Монах последовали за ним. Монах, выходя, бросил виноватый взгляд на Бессонова: мол, ты сам понимаешь, он прав...

– Салават, давай к Ужу, – приказал Бессонов. – Присмотри там...

– Конечно, он прав! – с досадой произнес Евгений, когда Салават вышел. – Надо уходить. И Ужа с собой забирать, пусть даже с риском для его жизни, потому что оставлять здесь нельзя. Но я так не умею. – Бессонов невесело усмехнулся. – Потому не быть мне полковником. Так и не поднимусь выше старшины роты. Ладно, к делу, Леша. У нас деньги кончаются. Надо бы обналичить тысяч двадцать.

– Нет проблем. Прямо сейчас?

– Какой ты быстрый! У всех здешних банков сурьинские пасутся. Мигом тебя опознают. Вот Ленечка вернется, организуем твой выезд как положено.

– А зачем мне выезжать? – удивился Алеша. – У нас же теперь свой банк есть.

– Ты Речбанк, что ли, имеешь в виду?

– Ну да. Я сейчас Вадчикову позвоню, скажу, чтобы приготовил сколько надо, а забрать может кто угодно, хоть Череп... Где он, кстати?

– Пленников охраняет. Я и сам съездить могу, только ты уверен, что Вадчиков мне деньги даст? Мы ему помогли, конечно, но крышуем-то его все равно не мы, а Вадчиков – еще тот жук. Да и денег у него в банке, я слыхал, на самом доньшке...

– При чем тут деньги банка? – удивился Алексей. – Это мои деньги. Я позвоню – их в течение часа переведут... В общем, можешь в это дело не вникать. Я предполагал, что такая необходимость может возникнуть, и мы с Вадчиковым еще тогда все оговорили.

Глава двенадцатая

– Доброе утро, лярвы! – Это был уже знакомый Наде бандит по кличке Рябой.

Маша при его появлении вскочила и испуганно прижалась к стенке, но племянницу Сурына испугать было труднее.

– Доброе утро с таких уродов, как ты, не начинается! – с вызовом произнесла она.

– Поговори еще! – Бандит навис над лежащей на кровати Павловой. – На выход! – командовал он.

Надя неторопливо поднялась, надела туфли, поправила одежду...

– Шевелись! – рявкнул бандит. – Или за шкирятник тебя волоочь?

Надя молча обогнула его и вышла в коридор. Там торчал еще один бандит, такой же здоровенный, уродливый и тупой.

Рябой закрыл дверь.

– Сейчас с тобой говорить будут, – наклонившись к Наде (она брезгливо отстранилась), почти интимно прошептал на ухо Рябой. – Так ты не соглашайся!

– На что?

– Ни на что! – Бандит ухмыльнулся. – Очень мне хочется, чтобы ты несговорчивой оказалась. Хочу я, коза, за сиськи твои подержаться и умишко твой бабий поправить!

– Помечтай, шестерка! – надменно бросила Павлова.

– Пошли, Рябой... – подал голос второй бандит. – Асланыч ругаться будет.

– Язык придержи! – с угрозой процедил Рябой. – Вперед, лярва!

Среди знакомых Павловой был только один «Асланыч» – сподвижник Хлебалова Юматов. Кругленький такой обходительный дядечка, прежде казавшийся Наде совсем не вредным. Если это он, то вряд ли действует без санкции своего хозяина. Ну да, конечно, это Хлебалов, кто же еще? Только откуда у него такая наглость?

Они прошли мимо забранного решеткой окна.

В окне можно было разглядеть кусок песчаного берега и сверкающую на солнце водную гладь. Юрь. Надю доставили сюда в бессознательном состоянии, потому она не знала, где находится. А хотелось бы знать...

Юрь. Песчаный берег. Тоже ничего определенного. Дом Хлебалова в Ширгороде – на берегу реки. И Никитск тоже на берегу Юри...

В коридоре было пусто. Несколько дверей, мимо которых они проследовали, были украшены бронзовыми табличками: «Вспомогательный состав», «Бельевая», «Начальник второго подразделения»... Наде эти надписи ничего не говорили.

Они остановились у двери с надписью: «Замначальника второго подразделения». Рябой постучал и, услышав: «Входи!» – открыл дверь и втокнул Надю внутрь.

За письменным столом, боком к окну, сидел мужчина. Его лицо заслонял монитор компьютера. Наде была видна только загорелая лысина с нашлапкой лейкопластыря. Рябой усадил Надю на табурет.

Мужчина за столом отодвинул монитор и посмотрел на Надю. Юматов.

Надежда молчала. Юматов тоже молчал. Вид у него был усталый, лицо осунувшееся.

Скрипнула, открываясь, дверь. Надя повернула голову...

– Вот теперь все в сборе, – произнес Юматов, когда мужчина в черной форме рыбинспекции ввел в комнату Алену Булкину.

Алена была все еще в платье невесты, но заплаканное личико девушки выглядело еще более несчастным, чем когда ее вели под венец.

– Вы обе меня знаете, девушки, – негромко произнес Юматов.

Надежда открыла рот, чтобы выдать ему все, что думает, но ладонь Рябого сдавила ее хрупкое плечо... И Надя промолчала.

– Я не садист, – устало произнес Юматов и потер лоб. – Я не хочу делать вам больно. Ведите себя правильно – и все будет хорошо.

– Для кого – хорошо? – бросила Надежда.

– И для вас тоже. Все просто, дорогая. Или ты сделаешь то, что тебе скажут, или ты умрешь. Причем смерть твоя будет очень неприятной, достаточно долгой... И никто о ней не узнает. Никто даже не подумает на нас.

– Вы так полагаете? – с вызовом произнесла Надя. – Вы ведь однажды уже пробовали меня украсть. Откуда вы знаете, что я не рассказала об этом дяде?

– А откуда ты знаешь, что это были мы? – поинтересовался Юматов.

– Знаю. Больше никому!

– Не ври! Вы оба держали язык за зубами: и ты, и тот парень из охраны, который тебе помог. Почему, кстати? Он твой любовник?

Надя промолчала.

– Ну, это уже не важно. – Юматов снова потер лоб, порывшись в столе, надыбал какую-то таблетку, проглотил, поморщился. – Не важно. Сейчас у вас обеих, девушки, только один шанс сохранить свою жизнь и, возможно, обустроить свое будущее.

– Что вы имеете в виду? – спросила Надя.

– Брак, разумеется.

Аленка вздрогнула и замотала головой. Опять тот же кошмар...

– С кем? Уж не с вами ли? – язвительно поинтересовалась Павлова.

– Не со мной, – покачал головой Юматов. – Я женат. А вот уважаемый Николай Григорьевич – холост.

– Вы в своем уме? – осведомилась Надежда.

– Еще один такой вопрос – и ты будешь наказана, – спокойно произнес Юматов. – Твой дядя позволял тебе распускать язычок, но Николай Григорьевич этого не потерпит. Он очень строгий мужчина.

– И что же, этот строгий мужчина намерен жениться на нас обеих?

– Нет, – покачал головой Юматов. – Только на одной из вас.

– И на ком же?

– А вот это вы решите сами, – сказал Юматов. – Николай Григорьевич считает, что вы обе подходите. Вы обе молоды и привлекательны, обе – богатые наследницы...

Надя прикусила губу... Неужели с дядей что-то случилось?

– Одна из вас станет женой Николая Григорьевича, – продолжал между тем Юматов, – а вторая... Вторая получит свободу. Сразу же после того, как брак будет зарегистрирован. Сейчас вам, девушки, предоставят возможность пообщаться наедине и решить, кто именно свяжет себя семейными узами. А потом мы снова встретимся и оговорим детали. Уведите их!

Когда охранники вывели пленниц из комнаты, дверь соседнего кабинета открылась и вошел Хлебалов.

– Ты молодец, Ефим! – похвалил он. – Маленькая паршивка почти не вякала. Обратил внимание, как она напряглась, когда ты назвал ее наследницей?

– Да. Соображает она быстро, – сказал Юматов. – Жаль, что Сурын еще жив и податься к нему затруднительно.

– Что-нибудь придумаем. Начальник его охраны – в Москве, кредиты вышибает, завяз там крепко: я попросил намекнуть кое-кому, что Сурын – битая фигура. Так что пока в Ширгороде заправляет Курков, а Курков – исполнитель. Старательный, но не более того. Пара дней

– и дело будет сделано. Но раньше эта пигалица должна стать моей женой, причем публично, чтобы все чисто было.

– Станет, – заверил Юматов. – Все просчитано. Девку тянет к брутальным мужчинам, таким как ты. Это ее психотип. К тому же она – бизнесвумен. Привыкла просчитывать свою выгоду. А мы вдобавок даем ей шанс выглядеть благородно в собственных глазах: «пожертвовать собой» ради этой малолетки Булкиной. Кстати, что ты намерен с ней делать?

– Еще не решил. Посмотрим по обстоятельствам. Наверное, опекунство оформлю.

– Ширгородские заартачатся...

– Это кто, интересно? – Хлебалов прищурился.

– Да хоть Медведев!

Хлебалов рассмеялся.

– Асланыч, ты от жизни отстал! Вспомни: нас за последние двое суток хоть кто-нибудь тронул?

Юматов покачал головой.

– Затишье... – сказал он.

– Какое на хрен затишье! – воскликнул Хлебалов. – Все в штаны наложили, когда поняли, чем пахнет! Думаешь, я от безысходности эту демонстрацию силы затеял? Алсаны-ыч! Все продумано! Как доперло до них, что Курганский металлический – это не только пачка высокодоходных акций, а *мой* персональный военный завод. Что мои бойцы не из дохлых волын по ним будут палить, а тактическими ракетами жарить, так сразу все и сели на жопу ровно! Русланчик, бля, в губернаторы метит, избирательную кампанию запускает, а тут – война!

– То есть ты с самого начала предполагал, что возьмешь их на испуг? – спросил Юматов. – Да-а... А я-то думал, ты всерьез был намерен идти до конца.

– А я и сейчас намерен! – Хлебалов ощерился. – Я, Ефим, закон знаю. Достал пистолет, скомандовал: на колени! Не послушались – мочи! Или они у меня все на карачках ползать будут – или пуля в башку! Думаешь, я их боюсь? Хрена пупырчатого! Ни Руслана, ни губернатора, никого!

– Москва еще есть... – напомнил Юматов.

– А что Москва? Думаешь, Москве надо, чтобы по всем каналам передавали: «На улицах Ширгорода идут кровопролитные бои!» Кому это надо? Президенту? Думе? А какой в Европах-Америках визг поднимется! Куда там Чечня! Нет, Ефим, не боюсь я Москвы. Москве от меня тоже дешевле откупиться. Я ведь их комиссию гребаную на завод так и не пустил. И хули? Утерлись! Они все, мать их, рады будут, если я просто дам им возможность от меня откупиться! А я им такую возможность дам. Всем. И Русланчику. Причем за чужой счет!

– Сурьин?

– А то кто же! Пора, пора нам, Асланыч, вылезать из нашего удельного княжества на широкий российский простор! Но – поэтапно. Сначала – узы брака. Потом – бремя имущества. И все, заметь, добровольно и с песней! Ну разве я не молодец? – Никитский князек самодовольно усмехнулся.

– Отморозок ты, Николай Григорьевич, – сказал Юматов. Одобрительно, впрочем, сказал.

– Да не реви ты, дурочка, – Надя обняла Аленку за плечи. – Твои слезы тут никого не волнуют.

Поджав ноги, они сидели рядышком на промятом диване в пропахшей табачным дымом комнате. Сквозь зарешеченное окно были видны небо, река и кусок песчаного берега.

– Ну, обидно же! – жалобно проговорила Аленка. От ее замызанного свадебного платья все еще пахло дорогим парфюмом. – Нас же вообще за людей не считают. И дядя твой, и Хлебалов этот... Еще хуже!

– Спокойно, не кричи! – Надежда погладила ее по голове. – У тебя все будет нормально. Он же сказал: тебя отпустят...

Аленка вскинула на подругу покрасневшие глаза.

– Ты?..

– Ну, не ты же! – сердито сказала Надя. – Тебе еще в школе учиться положено, а мне через две недели двадцать два стукнет. Давно замуж пора.

– Он же старый! – воскликнула Аленка. – Он же негодяй!

– Да у нас все, кто с деньгами – мерзавцы, – сказала Надя. – А без денег кому они нужны? А Хлебалов, я слыхала, к своим вполне хорошо относится. Да и мужчина представительный, боевой...

Тут голос ее предательски дрогнул, но Аленка, погруженная в свои печали, не заметила.

– И дядя меня, если что, в обиду не даст, а ты у нас – сирота...

Это она сказала зря, потому что Аленка снова расплакалась, и Наде снова пришлось ее утешать.

«Пусть только попробует что-нибудь сделать ей или моему дядьке! – с ожесточением подумала Надежда о Хлебалове. – Я его тогда ночью просто зарежу!»

Она уже твердо решила, что пойдет замуж за никитского князька. В принципе, он даже не вызывал отвращения. Сильный мужик, ей такие нравились... И все было бы хорошо, если бы не другой сильный мужик, который сейчас лежал на больничной койке и, черт его знает каким образом ухитрился отхватить здоровенный кусок Надиного сердца...

Глава тринадцатая

Застенов встретился с предателем на пустыре позади заброшенной городской свалки. Веня приехал в сопровождении шести бойцов на двух джипах. С его стороны это было почти беспечностью.

Предатель пришел один. Вернее, он внезапно возник между мусорных куч, когда Застенов вышел из машины.

Один и без оружия, в чем бойцы Застенова убедились, обшарив предателя с ног до головы.

– Поехали! – скомандовал Веня. – Хозяин тебя ждет.

Но предатель покачал головой.

– Будем говорить здесь, – сказал он. – Иначе разговора не будет.

– Борзеешь... – процедил Застенов, глядя предателю прямо в глаза.

Глаза у того были тусклые и пустые, как у мертвой рыбы. И Веня понял, что применять силу бесполезно. Тогда разговора действительно не будет.

– Хорошо, – сказал он. – Говорим здесь. Что у тебя за тема?

– Я знаю, кто с вами воюет, – сказал предатель.

– Да кто только с нами не воюет! – ухмыльнулся Застенов. – Кого конкретно ты имеешь в виду?

– Того, кого вы не знаете. Но информация стоит денег.

– Любую информацию можно получить бесплатно, – сказал Веня, поглаживая выпуклые костяшки пальцев. – Если правильно подойти к вопросу.

– Не у меня, – бесцветным голосом уронил предатель. – Но кое-что я могу выдать авансом. Например, одно имя.

– Чье?

– Ваньки-Мстителя.

– Ну? – Застенов заинтересовался.

– Евгений Бессонов.

– Ах ты, мать!.. – Веня действительно был удивлен. Вот оно что! Бессон! Ну, это многое объясняет! Черт возьми! Можно было и самим догадаться! Натурально Женькина манера решать вопросы!

– Лешка Шелехов сейчас с ним? – спросил он.

– Это уже второе имя, – сказал предатель. – Сначала деньги.

– Сколько?

– Аванс. Десять.

– Ты нормальный? – спросил Веня. – Десять штук за одно имя!

– Есть имена, которые стоят лимон, – сказал предатель. – Это стоит десять. Другая информация дороже. А моя работа, если вы решите мне ее поручить, будет стоить еще дороже.

– Какая еще работа? – буркнул Застенов.

– Я могу их убрать. Всех.

– Он – киллер, – четыре часа спустя рассказывал Веня Хлебалову. – С Бессоном познакомился в камере. Его хотели зачистить, но Бессон не дал. Ты же знаешь Женьку: он вечно лез во все дырки. Потом они некоторое время работали в одной команде, но много не наработали. Год назад Бессон вернулся в наши края. Какое-то время осматривался, потом решил действовать. По моим прикидкам, у него человек восемь-десять. Все – профи. Каждый Бессону чем-то обязан или имеет личные причины, чтобы нам нагадить. Про Лешку он ничего не говорил, но очевидно, что именно бессоновская команда его опекает. Надо думать, это они помогли ему

удрать. Надо думать, не без помощи твоего Фомы. Это, кстати, многое объясняет. Например, почему Фома решил удрать от охранявших его пацанов...

– Это твои домыслы! – перебил Веню Хлебалов. – Говори по делу!

– По делу: этот перебежчик предлагает перемочить всю свою команду, включая Бессона. Хочет за это двести штук. Четверть – авансом. Наличными. Обещает под это устроить нам приятный сюрприз. Еще десять штук он желает получить за то, что сообщил нам о Бессоне.

Застенов ожидал, что хозяин возмутится, но Хлебалов отнесся к названным суммам совершенно спокойно.

– Хороший киллер нам был бы очень кстати, – задумчиво произнес никитский князек. – Полагаешь, ему можно доверять? – спросил он.

– Нет, – не раздумывая, ответил Веня. – И... по-моему, он псих.

– Жаль, жаль... Но избавить нас от Бессонова он сможет?

Веня пожал плечами.

– Думаю, да.

– Хорошо. Дашь ему десять тысяч. Скажешь, что еще пятьдесят он получит лично от меня, если я сочту, что сюрприз, о котором он говорил, того стоит.

– А Бессон?

– Этого я хочу получить живым! – отрезал Хлебалов. – Его и Лешку. Остальные меня не интересуют. Если он обеспечит нам этих двоих, можешь пообещать ему двести кусков.

– Пообещать?

– Веня! – Хлебалов жестко усмехнулся. – Двести тысяч долларов – очень большие деньги.

А с деньгами у нас сейчас некоторые проблемы...

– Понял, – кивнул Веня.

– Когда у вас стрелка?

– Завтра в десять вечера. Раньше он не может. Еще какие указания?

– Пока все. Действуй по обстоятельствам. И не забывай о других делах. И еще... – Хлебалов помедлил. – Не рискуй зря, Веня. Ты мне нужен!

– Значит, Рябой? – Пальцы Шелехова забегали по клавиатуре. – Есть Рябой! Старший инспектор Рябчиков. Служил в морской пехоте, дослужился до старшего сержанта. Имеет награды. Демобилизован в девяносто девятом. После армии занимался малым бизнесом, прогорел. Год отработал охранником, потом завербовался в «рыбинспекцию». Физическая подготовка – высший балл, обращение с оружием – высший балл. Инициативен, неглуп, проблемы с дисциплиной. Особые приметы...

– Не важно, – сказал Бессонов. – Мальвина все равно его не видела. Я уверен – это он. – Бессонов взял мобильник. – Мое почтение! Хозяина позови! Да мне насрать, кого как зовут! Он мне сам этот телефон дал... Да, который от Клима. Да. Хочешь знать, кто в чудиковском доме покуролесил? Ах, уже знаешь? Ну, лады. Нет, только конкретное имя, точнее, погоняло... Рябой... Сочтемся. Ты мне помог, я тебе. Будь здоров!

– Грязный уже знает, – сообщил Евгений, выключив телефон. – У него Федька. А Колбасникова, если кому интересно, взяли люди Хлебалова. И сегодня днем у воровак был еще один конфликт с «рыбинспекцией» на твоём, Леха, островке. Рубились по-черному и, судя по реакции Грязного, победа осталась за «рыбниками».

– Клад ищут, – сказал Ленечка. – Ну, флаг им в руки.

– Скорее – хрен, – уточнил Бессонов.

– Я так не думаю, – заметил Шелехов. – Хлебалов наверняка знает, что никакогоклада нет.

– Хлебалов-то знает, но знает ли Мушкин? – усомнился Ленечка.

– Это еще кто? – спросил Бессонов.

– Начальник рыбинспекции, – сказал Ленечка.

– Черт! Совсем соображаловка отказывает... – Бессонов потер лоб.

– Выспаться тебе надо, Женя, – сказал Ленечка.

– Надо. Знаете, мужики, что мне не показалось: не хочет Грязный с Хлебаловым биться.

Придристал ворик, что на него совсем не похоже. Тем более, по авторитету Грязный не ниже Хлебалки. А уж сейчас, когда тот со всеми разосрался... Не нравится мне это. Непонятки...

– Это по блатному авторитету смотрящий Ширгорода весомей Хлебалова, – сказал Ленечка. – А по настоящему тоннажу проигрывает вчистую. Вспомни, что Леха рассказывал: как «быков» Чудика на счет раз положили с вертушки...

Заурчал мобильник.

– Это мой, – сказал Шелехов. – Ленечка, дай мне его, пожалуйста... Да, я... Да... Большое спасибо!

Он отключился, поглядел на своих друзей.

– Андрей Игоревич звонил, – произнес он тихо. – Сегодня в Никитском ЗАГСе был зарегистрирован брак гражданина Хлебалова с гражданкой Павловой.

– С какой еще Павловой? – буркнул Бессонов.

– С Надей Павловой, – сухо произнес Алеша. – С племянницей Сурына.

– Той, которая к нашему Ужику ходила? – Бессонов снова потер лоб. – Какого хрена ее в Никитск понесло?

– Иди-ка ты спать, Евгений Михалыч! – сказал Шелехов.

– Иди-иди! – поддержал Алешу Ленечка. – Без тебя разберемся!

Глава четырнадцатая

Совсем не так представляла Надя свою свадьбу. Впрочем, и Аленка тоже не думала, что ее поведут под венец насильно, а в жениха всадят пулю прямо на ступенях церкви.

В Никитск их привезли вдвоем: Надю и Аленку.

Поселили в доме Хлебалова, тоже вдвоем, но под неусыпным присмотром.

На следующий день жених прислал кольцо с бриллиантом. Бриллиант был меньше, чем камешки в Надиных сережках.

– Твой хозяин – жмот! – сказала Надя Юматову.

Тот пожал плечами. У Хлебалова были большие проблемы с наличкой, и выбрасывать деньги на такие глупости, как кольца и прочие свадебные бирюльки, никитский князек не соби-
рался.

Наде показали несколько готовых платьев, все они оказались велики. Пришел задрочен-
ный педик – модельер. Снял мерку. Платье сшили за ночь. Сшили отвратительно. Надя разо-
рвала его в клочья и наорала на Юматова, который пришел разбираться.

Она понимала, что платье – ерунда, что речь идет о ее жизни, но не могла остановиться.

Юматов кое-как ее успокоил. Новое платье сшили на его деньги. Получше.

За день до свадьбы приехал жених. И с ходу принялся решать насущные проблемы. Надя
в этом списке была где-то между перерегистрацией ЗАО «Транстревел», поставлявшем гувер-
нанток и прочий женский персонал в Западную Европу, и строительством второй резервной
подстанции в поселке Праздничное.

Надя ждала его целый день, с некоторым страхом. Она ведь почти не знала своего буду-
щего мужа. Да, выглядел он достаточно представительным. И Наде Хлебалов всегда нравился
– как мужчина. Но внешность обманчива. И секретарь у него – явно нетрадиционной ориента-
ции. Это настораживало. Было бы очень обидно в итоге оказаться женой гомика. Уж лучше –
импотента. С другой стороны, Хлебалов мог оказаться извращенцем-садистом. Надя отдавала
себе отчет, что будет в полной власти будущего мужа. По крайней мере, до тех пор, пока он
не сочтет нужным предоставить ей хоть какую-то свободу. Еще ее мучило: что с дядей? Spra-
шивать об этом Юматова было бесполезно. Впрочем, через некоторое время она все узнает.

Вскоре после приезда Хлебалова за Аленкой пришли его люди. Ее должны были отвезти
в Ширгород и отпустить. Аленка обещала выяснить, что с Надиным дядей, позвонить и рас-
сказать. Прощаясь, она плакала и благодарила Надю.

Наде очень хотелось верить, что Хлебалов сдержит обещание и отпустит девочку.

Уже начало темнеть, когда Хлебалов наконец нашел несколько минут для своей невесты.

Надю привели к нему в кабинет. Она увидела серого от усталости мужчину, который,
впрочем, собственноручно налил ей рюмку коньяку.

– За будущее! – сказал он, махом опрокидывая рюмку.

Надя чуть пригубила. Она ждала продолжения, но продолжения не последовало.

– Спокойной ночи, – сказал жених и кивнул охране, чтобы проводили невесту в ее ком-
нату.

Надя была оскорблена. И еще она поняла: сегодня ночью она будет спать одна. На физио-
номии никитского князка было крупным шрифтом написано, что как женщина Надя сейчас
его совершенно не интересует. Наверное, это было хорошо. Но Наде все равно было очень
обидно. Полночи она проплакала. Слез ее никто не видел. Аленка уехала, тюремщики оста-
лись снаружи. Да, совсем не такой представляла себе Надя Павлова замужество. Но она была
сильной, эта маленькая женщина. И знала, на что идет. На что и за что.

Снилась ей свадьба, но совсем другая. Женихом был не Хлебалов, а Тимофей. Потом они любили друг друга долго и ярко. Надя проснулась засветло, вся мокрая. Ах, если бы это было правдой! Плевать, что Хлебалов красивее и богаче, разве в этом счастье!

Надя помечтала немного о том, как во время ее бракосочетания в ЗАГС врывается Тимофей с друзьями, расшвыривает охрану, бьет морду Хлебалову и расписывается с Надей сам. Мечтать было легко, Надя видела такое не однажды... В кино.

В животе было пусто, в груди погано. Но Надя все равно уснула и проспала до рассвета. Без сновидений.

Утром ей принесли завтрак, потом, в сопровождении четверых охранников, она, в свадебном платье, спустилась вниз и покинула хлебаловский дом.

ЗАГС располагался через дорогу. Хлебалов был уже там.

Венчания не планировалось. Без всякой помпы жених и невеста расписались в книге регистраций. Никаких гостей, никаких приветствий и поздравлений. Жених, невеста, пара свидетелей и отчаянно лебезящая чиновница. Вот и все, если не считать головорезов, которыми плотно обставился никитский князек.

Никто не ворвался в ЗАГС, никто не пришел к Наде на помощь. Тимофей лежал на больничной койке, в коме. Но даже будь он здоров, все равно не смог бы ей помочь... Даже если бы захотел.

Не было ни венчания, ни банкета, ни криков «Горько!», ничего.

Сразу же после «рописи» жених уехал в Ширгород, а «молодую» отвезли в поселок Праздничное, в центре которого, за четырьмя линиями охраны, располагалась загородная резиденция никитского князька.

Вообще-то Хлебалов собирался задержаться еще на день и все-таки пообщаться потеснее с молодой женой. Каковы бы ни были его дальнейшие планы в отношении Надежды, но в его жизни это тоже была первая брачная ночь. Была бы... Под утро Хлебалову позвонил Застенов и сообщил, что предатель обещание выполнил, привез-таки «сюрприз». Узнав имя «сюрприза», Хлебалов едва не отложил брачную церемонию, но, подумавши, решил все-таки сначала расписаться, а потом ехать в Ширгород. Так и сделал: расписался и уехал.

Остаток дня Надя бродила по огромному особняку и размышляла о своем не больно-то светлом будущем. Единственная радость: Аленку освободили. Она позвонила из Ширгорода, прямо с речного вокзала. Они немного поболтали по мобильному, потом Аленка сказала, что едет домой, а из дома непременно позвонит. Но так и не позвонила. Надю это огорчило. Конечно, неизвестно, что там у Аленки дома творится, но разве так сложно снять трубку и поговорить немного. Сама Надя позвонить ей не могла: телефоны в доме были отключены, а мобильниками хлебаловских молодцев ей пользоваться не разрешалось.

Надежда огорчилась бы намного больше, если бы узнала, что до дома Алена не доехала.

Незадолго до того, как наследница пребывавшего в неведении Сурына связала себя узами брака, дяде позвонил его старинный соперник Руслан Васильевич Медведев. И звонок этот Льва Никитича крайне расстроил. Знай он, что его племянница теперь – жена Хлебалова, расстроился бы еще больше. Но этот сюрприз был еще впереди...

Глава пятнадцатая

В подвале пахло тюрьмой. Собственно, это и была тюрьма. С одной камерой и двумя заключенными, один из которых был правильным мужиком Колей Козловым, а второй – «машкой» по кличке Фоська. Раньше Фоську звали Фомой. В общем, социальный расклад почти как в обычном СИЗО. Только баланда получше и охрана поколоритнее.

В эту ночь в роли охраны выступал Салават. Вообще-то ему полагалось сторожить в комнате наверху, но с Колей у Салавата отношения сложились почти что приятельские, поэтому он нередко спускался вниз и вел неспешные беседы с «правильным» заключенным. К Фоське он относился намного суровее. Секретарь Хлебалова уже выложил все, что мог знать, и теперь судорожно напрягал память, выдавливая новые капли информации, которая могла заинтересовать его мучителей. Он очень старался и на этот раз ухитрился вспомнить номер телефона в Кургане, по которому можно экстренно отыскать Клима. Номер был тут же передан Бессонову, хотя информация эта оказалась лишней.

В данных, скачанных Шелеховым с компьютера базы рыбинспекции, этот телефон был.

Похвалив Фоську за старательность, Салават угостил Колю сигаретой (сам он не курил) и начал рассказ о своем отце-мяснике, плавно перешедший в беседу о многоженстве и, затем, просто на баб. Тема была актуальная для обоих собеседников, а точка зрения Фоськи никого не интересовала.

Около трех часов ночи подал голос мобильник Салавата.

– Командир зовет, – сообщил Салават. – Фоська, не скучай! Грей попку, скоро приду.

Лязгнул железный люк, щелкнул замок. Подвал погрузился в темноту: лампы Салават унес с собой.

– Команда по камере – отбой! – распорядился Коля Козлов.

Но поспать им не удалось.

Не прошло и пятнадцати минут, как подвал снова откупорили.

– Быстро на выход! – приказали сверху.

Фоська привычно заскулил, не ожидая, естественно, ничего хорошего, но, получив пинка от Козлова, бодро вскарабкался по лестнице.

– Ты – свободен, – бросил Козлову тот, кто их выпустил.

Коля не заставил его повторять дважды. Миг – и его уже нет. Фома было устремился за ним, но окрик «Фоська, на месте!», его остановил. Далее секретарь Хлебалова с изумлением пронаблюдал, как его самый страшный тюремщик снова запер люк. И снова открыл... ломиком свернув крепления засова.

– А теперь пошли, – распорядился он, пинком направив Фоську к дверям.

Фома жалобно вякнул и без лишних слов (задавать посторонние вопросы его напрочь отучили) выскочил во двор. Там выпускал зловонный дым выдавший виды фургончик-«фольксваген». Тюремщик загнал Фому внутрь и запер, посулив много нехорошего, если заключенный не будет сидеть тихо.

Фома сидел тихо, и спустя час с небольшим его снова выпустили наружу.

Свет автомобильных фар ударил в лицо. Хлебаловский секретарь зажмурился, а когда открыл глаза, то увидел прямо перед собой, вернее, над собой квадратную физиономию Вени Застенова.

– Ну и воняет же от тебя, пидор, – брезгливо процедил Вени. – Пацаны, у меня в багажнике мешок для трупа лежит: упакуйте этого.

После таких слов полностью ослабевшего и по этой причине завонявшего еще больше Фому упаковали в пластиковый мешок для перевозки покойников (правда, молнию задержали не до конца) и засунули на заднее сиденье джипа.

А Застенов в это время дискутировал с тем, кто привез Фому.

Суть диспута сводилась к тому, что Стена желал лично принять участие в нейтрализации шайки Ваньки-Мстителя и обеспечить сохранность двух персон, которых никитский князек желал заполучить живыми. А оппонент Вени полагал, что управится с акцией самостоятельно, а сохранность указанных персон – это уж как выйдет.

Наконец пошли на компромисс. Предатель пообещал, что Шелехов-младший в любом случае уцелеет, а Бессонов – как получится. Аванс за «работу» останется прежним, а вот сумма первоначального гонорара будет удвоена.

Условия обмена тоже оговорили в подробностях. Предатель был человеком опытным и отлично знал, что большинство заказчиков склонны расплачиваться не деньгами, а пулей.

Фома, вымытый и переодетый, предстал перед Хлебаловым через два часа. Но ничего путного сказать не смог. От счастья, что его страдания закончились, у Фомы совсем поехала «крыша». Он смеялся и плакал, норовил поцеловать Хлебалову руку (тот брезгливо отстранялся), пускал сопли и слюни... Через три минуты рассвирепевший хозяин выставил своего вновь обретенного секретаря вон и вызвал Застенова.

– Мои поздравления, Николай Григорыч! – поприветствовал Венья свежееиспеченного молодожена. – Долгих счастливых лет, трех сыновей и...

– Киллер где? – хмуро перебил его Хлебалов.

– Мы договорились... – начал Застенов.

– Хрена пупырчатого вы там договорились! – взревел никитский князек. – Я тебе что сказал! Привезти его мне! Ёш твою натрое! ПРИВЕЗТИ ЕГО МНЕ!

– Но... – пробормотал Венья. – Мы же...

– СЮДА!!! – заорал Хлебалов. – КИЛЛЕРА!!! ЧТОБ ЧЕРЕЗ ЧАС БЫЛ!!!

– Есть! – по-военному отчеканил Застенов. Никогда он прежде не видел, чтобы его хозяин настолько выходил из себя. – Разрешите выполнять?

Последующий матерный рык Венья расценил как разрешение и отправился вызванивать предателя-киллера, на ходу придумывая, как бы так все обставить, чтобы тот не послал его подальше, а рискнул явиться на личную аудиенцию к его хозяину.

– Я не хочу работать ни на кого, – сказал предатель. Голос у него был негромкий и равнодушный. Застенов все-таки сумел его уговорить. Отдал в залог тридцать тысяч – все, что было в наличке. И вот сейчас предатель сидел напротив Хлебалова.

– Чего же ты хочешь? – Голос никитского князька тоже был спокоен, но Застенов видел, что его хозяин предельно напряжен и сосредоточен.

– Двести штук, – сказал киллер. – Вы получаете шесть голов и одного живого Шелехова.

– Тридцать тысяч за голову и двадцать – за живого? Не многовато ли?

– Семь мертвых голов будут стоить дешевле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.